

НЕТ БОЛЬШЕ «Я»

СТАНИСЛАВ ШПАК

Станислав Шпак

Нет больше "Я"

«Автор»

2026

Шпак С.

Нет больше "Я" / С. Шпак — «Автор», 2026

Мать Хиноса пропала без вести. Отец изнывал от горя. А лес, в который уходит последнее тепло осени, хранит тайны куда страшнее, чем можно вообразить. Случайная находка — демонический фолиант — навсегда меняет жизнь юноши. В его теле поселяется Бельдамеш: архивариус Преисподней, знаток запретных знаний и невыносимый циник с тёмным чувством юмора. Он дарует силу, но требует плату — души врагов. И с каждым убийством Хинос всё лучше понимает, что граница между ним и демоном стирается. В попытках спасти мать он пройдёт через гоблинские катакомбы, болота под властью безумной ведьмы и вампирский замок, полный интриг. Но главный враг — не монстры и не колдуны. Главный враг — его собственная тьма, которая становится всё слаще на вкус. «Любовь и безумие — сёстры-близнецы. А величайшие чудовища рождаются из самой сильной любви».

© Шпак С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Станислав Шпак

Нет больше "Я"

Глава 1

— С пылу, с жару!

Одно мгновение, и на массивном дубовом столе очутилась сковорода, на которой до сих пор аппетитно шкворчала нарезанная дольками поджаристая картошка с грибами, щедро усыпанная зеленью. Внезапно заурчавшие желудки детишек огласили о их полной готовности к приёму пищи.

— Якоб, не лезь руками, лучше подставляй миску! — заботливо порекомендовал отец своему юному сыну.

— И мне, папа, и мне! — запротестовала Вики, его дочь, которая на год младше Якоба.

— И про тебя не забуду, золотце мое, — ответил он ей.

Глядя на уплетавших за обе щёки детей, сердце отца наполнилось теплом, отчего он довольно улыбнулся и присоединился к семейной трапезе.

За окном широко распростёрлась осень. Стонущий ветер угонял печной дым прочь, в сторону Тёмного леса, а вместе с ним улечувствовалось последнее тепло. Наступили первые осенние холода, отчего даже звёзды с Луной спрятались за облаками, подобно замёрзшим детишкам, укутавшимся в тёплые перина.

Скрипучая дверь избы отворилась, из нее вышел отец, загруженный кухонной утварью, и направился в сторону колодца. Лишь сделав пару шагов в сторону своей цели, мужчина поёжился от внезапного порыва пронизывающего ветра.

— Не май месяц, — отправил он ему вдогонку.

Дойдя до колодца, мужчина крепко ухватился двумя руками за ворот и принялся его крутить, отчего металлическая цепь отозвалась скрежетом, унося колодезное ведро во тьму. В один момент бадья с характерным плеском очутилась на глубине колодца, наполнившись холодной водицей, после чего вновь обратилась в движение, но уже в сторону укрытых облаками звёзд. Выполаскивая очередную миску мужчина невольно оглядывался через правое плечо в сторону массивных крон деревьев леса, раскинувшегося с боковой стороны избы. Его не покидало чувство, будто кто-то из этой кромешной тьмы за ним внимательно наблюдает, улавливая каждое его движение. Закончив с мытьем, отец собрал чистую посуду и, прихрамывая, поспешил скорее в тёплую хату, оставляя позади этот холодный и мрачный вечер.

Помогая отцу раскладывать чистую посуду по своим местам, малышка вдруг спросила у него:

— Пап, а когда мама вернется домой? И куда ушел Хинос?

Он еще не успел привыкнуть к тому, что его жена пропала без вести уже как два месяца назад, так и с безмятежными вопросами своих детей, пронзающих подобно кинжалу его сердце. Все это лишь расширяло пустоту и в без того пропащей души.

— Скоро, Вики... мамочка скоро вернется, — с трудом выдавил из себя Жак, опустошенно взглядевшись в окошко. — А Хинос... Хинос вышел подышать... но больно уж долго его нет.

Разобравшись с посудой и уложив детей спать, мужчина поплелся затушить мерцающий огонек лампы, старательно освещавший уютное пространство избы. Жаку безумно захотелось перед сном еще раз взглянуть на звёзды — лишь они позволяли ему ненадолго отвлечься от всего, воспарить душой и очутиться где-то там, высоко, где нет горя и ненастей, наслаждаться этим холодным мерцанием, которое будто что-то пытается донести, но смыслу этому

не дано достичь никого, ведь он подобно звуку, который с расстоянием рассеивается, образуясь в ничто. Мужчина, стоя у окна с устремленным взглядом на небесную твердь, всё же решил потушить лампу, позволив тьме окутать пространство его дома. Поставив лампу на стол, он напоследок еще раз взглянул в окно, где кроме звёзд и Луны, в паре метров от дома он обнаружил два горящих огонечка, притаившихся под покровом сумрака. Спустя пару мгновений, когда глаза немного привыкли к темноте, Жак остолбенел от нечта, в какой-то степени похотевшей на его жену, где вместо её тёплой улыбки наблюдался хищный оскал клыков, одежда отсутствовала, а тело сплошь и рядом покрывал густой волчий мех. Не в состоянии пошевелиться, дрожащим голосом он промямлил:

— Мэри...?

Я не знаю, сколько просидел на кухне. Свеча давно догорела, фитиль утонул в лужице воска, и теперь только заходящее Солнце золотило краешек стола. За стеной всхлипывала Вики, а Якоб молчал, но я слышал, как он ворочается, как скрипит кровать под его худым телом. Отец замер у окна. Он не шевелился уже час, наверное. Просто стоял и смотрел в пустоту.

Я не выдержал.

Встал, накинул плащ, вышел за порог. Отец даже не обернулся.

Воздух снаружи был холодным и колючим, он впивался в легкие тысячью игл. Я пошел прочь от дома, не разбирая дороги. Ноги сами несли меня куда-то — лишь бы подальше, лишь бы не слышать этот плач, не видеть эту пустоту в отцовских глазах, не думать о том, что мама теперь...

Я шел и шел. Лес сомкнулся надо мной, как пасть зверя, хотя я и не планировал в него заходить. Ветки хлестали по лицу, корни норовили подставить подножку, но я не чувствовал боли. В голове была каша из обрывков: вот Вики смеется, вот мама мешает похлебку, вот отец учит меня держать топор. Но где это все теперь?

Солнце взошло и снова село. Или не село? А может и не взошло? Я потерял счет времени. Лес вокруг становился все темнее, все гуще, все чужероднее.

Темный лес.

Я забрел в Темный лес.

Говорят, отсюда не возвращаются. Мне было плевать.

И вдруг — звук.

Сначала далекий, едва слышный. Звон металла. Крик. Еще один. Гулкий удар, от которого, кажется, дрогнула земля.

Бой.

Кто-то дрался насмерть совсем рядом.

Я замер. Внутри что-то дернулось — не страх, не любопытство. Что-то чужое, холодное, точно тонкая нить обвилась вокруг позвоночника и мягко, но настойчиво потянула вперед.

Иди.

Я не знал, моя это мысль или нет. Ноги сами сделали шаг. Потом другой. Еще один.

Я пошел на звуки боя.

Поляна распахнулась передо мной внезапно — шаг, и вот я уже стою за стволом поваленного дерева, вжимаясь в гнилую кору, и смотрю на ад, разверзшийся в двадцати шагах.

Их было много.

Человек пятнадцать, а может и больше. Они перемешались в кровавом клубке, и сразу было видно — две стороны дерутся насмерть.

Первые — в балахонах, расшитых символами, которые, кажется, шевелились при свете заклинаний. Маги. Колдуны. Один из них, лысый, с выбритой на затылке пентаграммой, швырял в противников сгустками синего пламени. Другой, тощая баба с безумными глазами, выкрикивала что-то гортанное, и воздух вокруг нее плавился, сворачиваясь в воронки.

Вторые — в добротной коже, с мечами и топорами. Наемники. Профессионалы. Они не колдовали, они просто убивали. Холодно, умело, без лишних криков. Их главарь, здоровенный детина с седым шрамом через всю рожу, орал, перекрывая грохот битвы:

— Руби мразей! Артефакт наш! За него заплатят столько, что внукам хватит!

Маг с пентаграммой взвизгнул и метнул сгусток пламени в детину. Тот ушел перекатом, но подпалил рукав, взревел от боли и ярости, и ответил точным ударом топора — разрубил магу плечо почти до грудины. Кровь хлынула фонтаном, маг осел на землю, но перед смертью успел выкрикнуть что-то, от чего воздух вокруг наемника взорвался синевой. Детина отлетел к дереву, ударился спиной и затих, глядя в небо невидящими глазами.

Тощая баба завывала, призывая новое заклятие, но двое наемников налетели на нее с двух сторон. Мечи вошли в тощее тело почти одновременно — один под ребра, другой в шею. Баба захрипела, оседая, и из ее рук вырвался последний, неконтролируемый сгусток силы. Он ударил в своих же — двоих магов, которые прикрывали ее отход. Те вспыхнули, как факелы, и попадали на землю, корчась в агонии.

Бойня продолжалась еще, наверное, минуту. Или час. Я не знаю. Я смотрел, не в силах оторваться, и видел, как люди убивают друг друга с какой-то безумной, первобытной страстью. Из-за чего? Из-за денег? Из-за силы? Из-за этой книги?

Книга валялась в центре поляны, в луже крови, и казалась единственным спокойным предметом в этом аду.

Когда последний маг рухнул с пробитой грудью, а последний наемник, истекая кровью из разорванной шеи, пополз к книге, я понял: все. Битва закончена.

Раненый наемник — тот самый, с разорванной шеей — дополз до фолианта и схватил его окровавленной рукой.

— Наш... — прохрипел он, и голос его булькал кровью. — Мы сделали... Римма... старая карга... теперь мы...

Он попытался приподняться, но силы оставили его. Он упал лицом вниз, прижимая книгу к груди, и затих.

Я стоял за деревом, не в силах пошевелиться. Сердце колотилось где-то в ушах. В голове билась только одна мысль, липкая и страшная:

Книга.

Из-за нее они убили друг друга.

Она стоит денег. Много денег.

Если продать ее — я найму авантюристов. Самых лучших. Я спасу маму.

Ноги сами вынесли меня из укрытия.

Я шел по поляне, ступая между трупами, стараясь не смотреть на лица. Кровь хлюпала под подошвами, в воздухе висел тяжелый, сладковатый запах, от которого подкатывала тошнота. Я перешагнул через разрубленного мага, обошел наемника с вывороченными обпаленными кишками и наконец добрался до центра.

Наемник с книгой лежал неподвижно. Но когда я наклонился, чтобы забрать фолиант, он вдруг открыл глаза.

— Ты... — прохрипел он, и в его взгляде полыхнула такая ненависть, что я отшатнулся. — Мелкий шакал... пришел на готовенькое? Не выйдет...

Он дернулся, пытаясь поднять руку с зажатым в ней ножом. Нож был маленький, металлический, но в его руках, истекающих кровью, он казался смертельно опасным.

Убей.

Снова? Похоже, я начинал сходить с ума.

И тогда во мне что-то сломалось.

Я не думал. Не выбирал. Я последовал этой мысли, до конца не осознавая, моя ли это мысль — просто схватил с земли тяжелый обломок меча, валявшийся рядом и шагнул ближе, умирающий всё понял. В его глазах, затуманенных болью, вспыхнул животный ужас. Он попытался оттолкнуться рукой, его пальцы, липкие и горячие, вцепились в мою лодыжку.

— Нет... не надо... — заскулил он.

Я почувствовал тепло этой хватки. Живое, пульсирующее тепло чужого тела, которое не хотело сдаваться.

«Ради мамы», — приказал я себе.

И ударил сверху вниз. Металл соскользнул с ключицы, пропоров плоть, но не убив. Наемник вскрикнул — звук был похож на визг забиваемой свиньи. Он начал брыкаться. Я чувствовал, как эта жидкость — слишком горячая, почти обжигающая — брызнула мне на лицо и пальцы.

— Заткнись! Заткнись! — закричал я, нанося второй удар, теперь уже в горло.

Соппротивление ослабло. Хватка на лодыжке разжалась, оставив на коже грязный, красный браслет. Человек захрипел, засучил ногами и затих.

Меня вывернуло прямо на труп. Я стоял на коленях, содрогаясь в рвотных спазмах, и смотрел на свои руки. Они были красными. Липкими. Чужими.

Я убил человека.

Я убил человека.

Я...

И в этот миг книга, которую мертвый наемник все еще сжимал в руке, — вспыхнула.

Темно-коричневый переплет, грубый, как кожа глубокого старца, полыхнул багровым огнем. Я отшатнулся, но было поздно — огненные языки лизнули мои пальцы.

Вокруг завертелись разноцветные символы — я не мог их прочесть, да и не пытался, потому что мир поплыл перед глазами. Под ногами вспыхнул огненный круг, из разных его частей соединились линии пламени, образуя пятиконечную звезду. Я стоял в центре, чувствуя, как жар прошивал подкожную клетчатку, словно сотни раскаленных игл вышивали на моих органах новый узор. В горле разлился привкус жженой меди и старой желчи, а зрение на миг стало багровым — я видел, как пульсируют мои собственные вены, наполняясь густой, как деготь, силой.

Книга взлетела в воздух. Страницы ее бешено перелистывались сами собой, и с каждым новым листом огонь вокруг становился все ярче. А потом — удар. Книга влетела прямо в меня, в живот, оставив руническую метку, и я провалился в темноту.

На мгновение. Или на вечность.

Очнулся я от смеха.

Мерзкого, ехидного хихиканья, которое звучало прямо у меня в голове.

— Хи-хи-хи. Ну надо же. Какой занятный экземпляр.

— К-кто? — прохрипел я, озираясь по сторонам. Поляна. Трупы. Кровь. Никого живого.

— Я теперь — часть тебя, глупенький. Так что оглядываться бесполезно.

— Что... что ты такое?

— Я — Бельдамеш. — Голос в голове стал надменным, почти королевским. — Великий чародей, архивариус Преисподней, знаток всех существующих и несуществующих заклятий. И, судя по всему, твой новый... скажем так, сосед по душевному убежищу. — Пауза. — А ты, я погляжу, совсем зеленый. Руки трясутся, в глазах ужас, от тебя разит отчаянием, как от помойной ямы. И при этом ты только что хладнокровно размозжил голову человеку. Хи—хи. Нравится?

— Заткнись! — Я вскочил на ноги, сжимая кулаки. — Заткнись, тварь!

— Тварь? — Голос стал ледяным. — Будь повежливее, мальчик. Я — единственное, что теперь есть у тебя. И единственное, что может дать тебе силу, чтобы спасти твою мамочку. — Он снова хихикнул, но теперь в этом смехе слышалась издевка. — Да-да, я все про тебя знаю. Твоя душонка раскрыта передо мной, как дешевая книга. Отчаяние, страх, любовь к маме... Какая трогательная гадость.

Я замер.

— Откуда ты...

— Я же сказал: я — часть тебя. — Голос стал вкрадчивым, почти ласковым. — И я могу дать тебе силу. Много силы. Ты хочешь спасти мать? Я научу тебя убивать так, что твои враги будут молить о пощаде. Я открою тебе тайны, о которых смертные даже не мечтают. Но за все надо платить. — Пауза. — Душами, Хинос. Душами врагов. Будешь убивать — будешь становиться сильнее.

Я молчал, переваривая услышанное.

— Любовь — это самое опасное топливо, щенок. На нем работают все величайшие злодеяния, — заметил он. — А пока... — Голос снова стал деловым, будто речь шла о покупке хлеба. — Обыщи трупы. Все до одного. Деньги нам пригодятся. И вон ту сумку, что валяется у того урода в балахоне, обязательно возьми. Там, кажется, есть занятные бумажки. Не зря же они тут друг друга резали.

— Я не буду мародером, — выдавил я из себя.

— Уже будешь, — отрезал Бельдамеш. — Ты уже убийца, глупый. Мародерство — это мелочи по сравнению с тем, что ты сделал. Так что не строй из себя праведника. Или ты забыл, что хотел нанять авантюристов для спасения матушки?

Я скрипнул зубами, но спорить не стал. Он был прав. Во всем прав.

Я подошел к трупу наемника, которого убил, и, стараясь не смотреть на его лицо, обшарил карманы. Несколько серебряных монет, горсть меди. Потом второй труп. Третий. Маги в балахонах оказались победнее, зато у одного из них на поясе висел увесистый кошель с золотом.

К тому времени, когда я добрался до сумки, о которой говорил демон, в моем кармане звенело прилично.

Я вытряхнул содержимое сумки на землю. Скрепки с разноцветными жидкостями, какие-то корешки, странный амулет в виде паука... и стопка бумаг, исписанных убогим почерком.

Развернул верхнюю.

«...доставить фолиант в урочище вблизи Ивья, ведьме Римме. Плата — золотом и покровительством. Исполнители — наемники из отряда Косоглазого Билла, прикрытия — маги круга Черной Луны. В случае успеха...»

Дальше текст обрывался.

— Римма, — прошептал я. — Кто это?

— Понятия не имею, — лениво отозвался Бельдамеш. — Но, судя по тому, что она наняла целую банду, перебившая друг друга в итоге, чтобы достать меня, дама не из робких. И очень хотела меня заполучить. Интересно, зачем? Хи-хи. Надеюсь, она красивая. Я люблю ведьм, у них всегда такие... интересные души.

Я спрятал бумаги в карман. Мне не было дела до ведьмы.

Я поднялся, в последний раз окинул взглядом поляну смерти, ощущая, как сладковатый запах крови смешивается с ароматом примятой осенней травы, и, спотыкаясь, побрел прочь.

В голове шумело. Руки дрожали. Но внутри, где-то глубоко, рядом с ужасом и отвращением, поселилось странное, холодное чувство.

Я больше не был беспомощным мальчишкой.

Я убил человека. И во мне жил демон.

— Хи-хи, — довольно отозвался Бельдамеш. — Правильные мысли, мой маленький убийца. Правильные мысли. И, кстати, о той ведьме... Римма, говоришь? Забавное имя. Надо будет как-нибудь навестить ее.

— Мне плевать на твою ведьму, — огрызнулся я. — Мне нужна мама.

— Ну-ну, — усмехнулся демон. — Всему свое время. Иди в свой Ратон, нанимай своих авантюристов. А я пока посижу тихо. — Пауза. — Но знай, Хинос: мы теперь связаны. Навсегда. И если ты думаешь, что сможешь от меня избавиться, когда спасешь мамочку... Хи-хи-хи. Мечтай.

Я промолчал.

Лес расступился передо мной, выпуская к знакомой дороге. Впереди был Ратон. Впереди была надежда. И внутри меня — тьма, которая только начинала просыпаться.

Глава 2

Совсем недавно мне исполнилось двадцать лет, и я никогда не отличался какими-то удивительными навыками или способностями. Внешне также ничего примечательного — отросшие темные волосы, периодически щекочащие глаза, которые, кстати, карего цвета, губы как губы, нос с горбинкой, среднего роста. Всю свою сознательную жизнь я помогал отцу в вырубке леса и заготовке древесины, которую мы в последующем продавали в небольшом городке Ратон, находившийся в паре часов ходьбы от нашего дома. В нем же мы купались всем необходимым для жизни, а иногда просто всей семьей выбирались на ярмарки, проходившие раз в полгода. Но сегодня я прибыл в Ратон по другому поводу.

Войдя в двухэтажное здание из каменной кладки с двумя высокими дверями, над которыми красовалась деревянная вывеска с выжженными словами «Гильдия Авантюристов», я сразу направился в сторону регистрационной стойки, дабы мой заказ вывесили на соответствующую доску. Я сразу почувствовал этот запах — смесь старого пергамента, воска от свечей, пота и металла. Здесь пахло приключениями. Или, если честнее, пахло людьми, которые надеются на них заработать. Время сейчас около полудня, многие авантюристы уже отправились на свои задания, поэтому Гильдия, можно сказать, в данный момент относительно пустовала. Всего я насчитал пятерых авантюристов. Трое у доски с заказами, видимо, еще совсем зеленые новички, неотесанно одетые и экипированные, почёсывали репу, раздумывая на какой заказ у них хватит сил. Оставшиеся два искателя приключений сидели на разных местах по одиночке. У одного за спиной висел колчан, наполовину заполненный стрелами, а поверх его — длинный лук. Располагался он спиной ко мне, его тело укрывал длинный плащ с капюшоном. Другой же был одет в кольчугу, поверх которой наблюдались стальные элементы брони, типа шлема, наплечников, набедренников, на поясе в ножнах красовался одноручный меч, а за спиной висел повидавший немало сражений прямоугольный щит с металлическими пластинами. Тихий шепот голос начал затихать. Голоса превратились в невнятный хрип. Я моргнул. Здоровый наемник в тяжелых латах вдруг посмотрел на меня. Его лицо больше не было загорелым и веселым. Кожа сползла серыми лохмотьями, обнажая желтую челюсть, а вместо глаз зияли две черные дыры, из которых сочилась густая, черная сукровица. Я огляделся. Весь зал заполнили мертвецы. Те самые, с поляны. Вот следопыт с вываленными кишками тянет руку к своей кружке, а из горла у него вылетает кровавая пена. Вот воин, которого я добил, стоит прямо передо мной, прижимая ладонь к разорванной шее, и пытается что-то прошептать липкими от крови губами. Дрожь пробилась от макушки до пят. Воздух стал горячим и медным на вкус. Я судорожно зажмурился и с силой протер глаза кулаками.

— Эй, парень, ты чего? — голос здоровяка вернул меня в реальность. Я открыл глаза. Наемник рядом снова был живым и недоуменно смотрел на меня. Но рука, которой я опирался о стену, всё равно казалась липкой и горячей.

Я перевел взгляд.

За стойкой регистрации сидела миловидная девушка моих лет, увлеченно что-то записывая на бумаге.

— Посмотри на неё, — медовый голос Бельдамеша просочился в мои мысли, заставив челюсть непроизвольно напрячься. — Такая светлая, такая правильная... У неё такая чистая душа, Хинос, что она прямо-таки просится на вертел. Представь, как бы она шипела в адском пламени, истекая жиром невинности. Не хочешь попробовать?

— Не носи ерунды! — мысленно шикнул я на демона, отчего тот лишь ехидно хихикнул.

Когда я судорожно доплелся до нее, она подняла на меня усталый взгляд, и я заметил, что под глазами у нее залегли тени. Вокруг нее витал аромат чернил и ромашки — видимо, пила чай, чтобы не уснуть.

— Здравствуйте, я бы хотел разместить заказ. — пробурчал я.

— Добрый день, — замест ожидаемых мной вопросов она просто протянула типовую анкету для заполнения, легким движением руки указала на перо с чернилами, и продолжила заниматься своей работой. На всё про всё у меня ушло порядка пяти минут, благо родители в детстве научили меня письму и грамоте. Приняв эстафету безмолвия, я не проронив ни слова, передал заполненный листок девушке. Она его внимательно изучила, достала новый лист бумаги, записала туда какие-то данные касательно моего вопроса.

— Поисковое задание будет вывешено на доску в течение часа, к оплате — пять золотых, для повышения вероятности успешного выполнения поручения рекомендуется дожидаться, пока соответствующая группа авантюристов примется за него, дабы ответить на все их интересующие вопросы. Распишитесь здесь, здесь и здесь. Также укажите вот тут место вашего пребывания в ближайшие семь дней.

Расплатившись монетами, собранных с трупов, и поставив все нужные подписи, я решил остаться в Ратоне на неделю.

Мысли о произошедшем яро отбивали аппетит, однако живот активно требовал законного обеда. Я довольно неплохо знал этот город, поэтому, как только вышел за пределы здания Гильдии, то сразу направился в ближайший кабак.

Ратон напоминал челюсть старика: половина зданий скалилась провалами выбитых окон, другая — торчала острыми обломками недостроенных шпилей, которые забросили еще в прошлом десятилетии. На окраинах дома буквально врастали друг в друга, подпирая соседние стены гнилыми балками, словно калеки, пытающиеся удержаться на ногах в этой вечной сырости. По улицам слонялись кто куда прохожие, бездомные сидели на земле, выставив руки в жесте просьбы, иногда проезжали повозки, перевозимые лошадьми. В отличие от нашего деревянного одноэтажного крошечного домика, в Ратоне часто встречались двухэтажные строения, сделанные как из дерева, так из камня. Приближающая суматоха звуков дала понять о том, что я прохожу мимо городского рынка, из общего коктейля шума которого угадывались гомон зазывал, споры по торгам за цену, хохот народа, а также нецензурная брань. Одним словом — кипела жизнь! От каждого встречного несло чем-то своим: от толстой торговли — липким страхом за кошелек, от стражника — скукой и кислым пивом. Бельдамеш внутри жадно втягивал эти эманации, заставляя мой язык непроизвольно дергаться, словно я сам хотел лизнуть этот воздух.

Заведение «Собачий свисток» пользовалось популярностью в городе, в том числе и у нашей семьи. Никто не мог остаться равнодушным перед радушным приемом, вкусной едой, отличной выпивкой и благосклонными ценами. В этот раз запах дешевого табака, окутавший помещение горьким туманом, был настолько едким, что я невольно потер защеппавшие глаза. Заказав тарелку свиных ребрышек с овощами и пинту кваса, я быстро отыскал глазами местечко, куда бы приземлиться. В обеденное время в кабаке было куда больше народу, чем в Гильдии Авантюристов. Разномастный народ прибыл в любимое заведение пообедать и передохнуть, а после отправиться за работу. Обчищая зубами вкуснейшее ребрышко, я краем уха услышал разговор между двумя сидящими за соседним столом мужчинами, по внешнему виду они походили на строителей.

— ...в последнее время люди стали пропадать чаще. Уходят за пределы города и не возвращаются. Рассеиваются как дым! — рассказывал щуплый чумазый мужичок.

— Жуткая напасть! Мой приятель Дэррик рассказывал, что его знакомый отправился в деревушку к своим престарелым родителям, дабы провести, однако уже как месяц о нём ни слуху, ни духу. Глядишь, такими темпами опустеет Ратон, некому здесь будет жить, — ответил тому рослый лысеющий коллега.

— ...а мой свояк из приграничья пишет, там совсем худо. Говорят, с севера беженцы потянулись. Из-за Морозных гор. Там какие-то твари появились, хуже любой нечисти.

— Да брось, Морозные горы — это ж за тысячу вёрст. Какое нам дело?

— А такое, что если оттуда бегут, значит, скоро и до нас докатится. Король-то наш только пиры задаёт, ему войска не собрать.

Мои пригретые уши разочаровал внезапно появившийся, судя по всему, начальник этих двух мужиков с вестью о каких-то возникших проблемах и забрал их с собой. Значит не только у нашей семьи случилось горе — это происходит повсеместно. Люди всегда пропадали, от этого никуда не деться. Но сейчас явно происходит что-то из разряда “вон выходящего”. Покончив с обедом, я решил вновь зайти в Гильдию в надежде, что за моё задание уже кто-то взялся. Так оно и оказалось. Лишь войдя внутрь Гильдии и сделав пару шагов, меня окликнула девушка, что сидела за стойкой регистрации, и позвала подойти. Напротив нее стоял тот самый авантюрист с луком, что сидел здесь когда я вошел впервые.

— Вы как раз вовремя, Хинос! Авантюрист железного ранга по имени Фелас решился взяться за ваше задание и, как раз, хотел обсудить с вами кое-какие детали, — сообщила мне регистраторша.

Смотри на него, — прошипел рогатый, и мир на мгновение потерял цвета. Все стали серыми тенями, кроме одного жилистого мужчины в углу. Вокруг него пульсировала тусклая, стальная аура. — Этот пахнет профессиональной смертью. Тебе такой и нужен.

Авантюрист был среднего роста, однако жилистого телосложения с уверенной осанкой, что придавала ему внушительный вид. Его лицо обветренное, загорелое и покрыто мелкими морщинами, что свидетельствует о его долгих годах под открытым небом. Короткие прямые черные волосы и аккуратно подстриженная борода лишь подчеркивали его решительность. Взглянув на него с фронта, мне представилась также его одежда, укрывавшаяся под длинным плащом, которая представляла собой кожаную куртку с металлическими заклепками, штаны и ботинки, также изготовленные из кожи, ведь в первую очередь лучники и следопыты полагались на ловкость и скорость во время битвы. Такая одежда удовлетворяла этим требованиям, но, в свою очередь, не могла похвастаться высокой защитой.

— Смотри на его пальцы, — прошептал Бельдамеш, и я увидел: подушечки пальцев следопыта были покрыты такими грубыми мозолями, что казались вырезанными из камня. — Этот человек убил больше, чем съел за всю жизнь. Хороший союзник. Или вкусная добыча... зависит от твоего поведения.

Также я разглядел поближе расположившийся за его спиной лук из качественного дерева, украшенный искусной резьбой, стрелы в колчане также сделаны качественно и надежно, что, вероятно, обеспечивало им максимальную дальность и точность во время полета. Под луком и колчаном стекал спокойным зеленым цветом длинный плащ с капюшоном.

Авантюрист не просто смотрел на меня, я чувствовал его взгляд всей своей кожей, всем своим существом. Это не было обычное любопытство — он словно просвечивал меня насквозь, оценивая объем легких, крепость костей и то, как быстро перерезанное горло выпустит жизнь. По спине пробежала колючая волна мурашек, а Бельдамеш внутри довольно притих, узнав хищника.

— Приветствую тебя, Хинос. — холодно промолвил тот. — До меня дошли слухи, что сейчас творится что-то неладное — люди пропадают. Разного наслышался. Хочу теперь и твою историю узнать. Поведай мне подробнее про задание.

Введя Феласа в курс дела, мы сразу же решили отправиться по дороге из Ратона к дому, где я живу, в надежде отыскать какие-то следы, ухватиться хоть за какую-нибудь призрачную ниточку, которая приведет нас к моей маме. Мы шли по дороге, и с каждым шагом лес становился всё ближе, всё ощутимее. Воздух менялся — терял сладковатый привкус городской пыли и наливался сыростью и терпкой горечью прелых листьев. Где-то в глубине чащи ухнула сова, и от этого звука у меня побежали мурашки по спине — будто кто-то холодным пальцем провёл по позвоночнику.

Фелас остановился, присел на корточки, поднял щепотку земли, понюхал ее.

— Свежий след, — сказал он, и я заметил, как его ноздри расширились, втягивая воздух. — Волк. Или не волк. Пахнет псиной, но... странно. Будто мокрой шерстью и железом.

Мы шли молча какое-то время, каждый погружённый в свои мысли. Фелас первым нарушил тишину:

— Знаешь, Хинос, я ведь не всегда был авантюристом. Лет десять назад я был лесником в королевском заказнике. Спокойная работа, хороший дом, жена ждала вечерами.

Я удивлённо посмотрел на него. Он усмехнулся, но в глазах мелькнула тень.

— А потом пришли браконьеры. Не простые — с магией, с артефактами. Мы пытались их остановить... Из всего отряда выжил я один. Жена не дождалась — сердце не выдержало, когда ей сообщили. С тех пор я здесь. Ищу тех, кто прячется в лесах. Тех, кто забирает жизни.

Он помолчал, потом добавил тише:

— Поэтому я взялся за твой заказ. Потому что знаю, каково это — ждать и не дожидаться.

Угадывалось наступление сумерек. С каждым мгновением всё громче трещали сверчки, будто просыпаясь после дневного сна. Тепло светлого времени суток ушло в закат, подобно Солнцу, а на смену ему наступал могильный холод Луны.

— В такой темени даже самый явный след не разглядишь, как голодного хищника, притаившегося в зарослях, хладнокровно выжидающего, пока добыча хоть на мгновение утратит бдительность.

— Знаешь, Фелас, после твоих слов, в такой-то обстановке, мне становится как-то не по себе. — пугливо ответил я, в попытке утихомирить под теплым плащом возникшую “гусиную кожу”. — До моего дома осталось совсем немного идти. Можем переночевать в тепле и уюте, переговорить с отцом, вдруг он чего-то расскажет полезного, и с утра выдвигаемся на поиски.

— Договорились.

— А ты, Хинос? Кем бы хотел стать, если бы не всё это? — Фелас кивнул в сторону темнеющего леса.

Я задумался. Станный вопрос. Я как-то не привык мечтать.

— Наверное... лесорубом, как отец. Или, может, плотником. Дом построить, семью завести. Чтобы мама нянчила внуков.

Фелас улыбнулся — впервые по-настоящему тепло.

— Хорошая мечта. Держись за неё. Знаешь, в нашем деле легко забыть, ради чего всё. А без мечты мы просто наёмники, продающие клинок за монету.

Не проронив больше и слова, мы продолжили шагать, пока не увидели издалека горящие окна моего дома.

— Вот, почти пришли.

Внезапно, во тьме ночной раздался душераздирающий вой, однако в нем не ощущалась жажда крови, голод или безумие. Этот вой, скорее, напоминал клич о помощи, крик отчаяния, и звучал он со стороны моего дома. Взглянув друг на друга, мы безмолвно обменялись мыслями, синхронно кивнули и рванули что есть мочи к хате. Фелас на ходу достал из за спины лук, а левой рукой потянулся за стрелой, приводя своё оружие в боевую готовность. Средств самообороны или защиты у меня не было, поэтому рассчитывать я мог лишь на напарника... и на свои шустрые ноги. Когда мы добежали до дома, то на всю округу раздался еще один вой, и звучал он буквально в десятке метрах от нас — за углом, где располагается вход. Фелас резко подал рукой знак, и мы остановились, прижались к стенке и в полуприсяди прокрались к углу, после чего следопыт аккуратно выглянул, однако мигом спрятал голову обратно и уставился перед собой, тяжело дыша. В его глазах угадывался страх, однако он всеми силами пытался его перебороть, что удалось ему сделать спустя пару секунд. Придя в себя, он склонился к моему уху и прошептал:

— Хинос, скажи, в доме сейчас твои родные, правильно?

— Отец и младшие брат с сестрой. А что там происходит? — сгорая от нетерпения спросил я.

— Стой здесь и не высовывайся. Умеешь пользоваться? — ответил тот, протянув мне небольшой нож, держа в другой руке лук со стрелой. У его правой ноги висели ножны с небольшим одноручным мечом, лезвие которого было слегка выгнуто на кончике. Едва я успел ухватиться за рукоятку ножа, Фелас стремительно совершил рывок из-за угла, одновременно натягивая тугую тетиву, в которой уже красовалась стрела с металлическим наконечником. Я не успел моргнуть и глазом, как авантюрист, лишь приземлившись ногами оземь, моментально принял боевую стойку и слегка пригнулся, после чего отпустил тетиву. Стрела с характерным свистом разрезала воздух, и, судя по звуку, впилась в промерзлую землю. Послышался волчий рык, после чего зверье, шумно передвигая лапами по земле, бросилось в сторону Феласа, отчего тот принялся пятиться, одновременно натягивая новую стрелу тетивой. Когда буквально в паре метрах от меня показался зверь, совершивший наскок на следопыта, время в моем восприятии практически остановилось. Волк, а точнее волкоподобный человек, раза в полтора превышающий средний рост человека, тело которого было покрыто густой и грубой шерстью, которая окутывало не всё тело и была не такой густой, как у волка. Кожа выглядела грубой, с проступающей мускулатурой. Глаза зверя будто горели во тьме, пылая янтарным цветом. Внезапно я увидел амулет, свисающий с шеи волка, по инерции улетавший в сторону мощных задних лап, на которых выступали зазубренные когти. Амулет показался мне до жути знакомым. И тут до меня дошло.

— Мама? — во весь голос завопил я. Чудовище, которое когда-то было моей мамой, резко обратила на меня свой взор, всё еще находясь в полёте. В её взгляде я уловил страх и возбуждение, вызванное адреналином и инстинктом самосохранения, однако их сменила удивление, грусть и тоска. Казалось даже, что её очи едва покрылись влагой от слёз. Внезапно вонзившаяся стрела в бок существа подкосила её прыжок, отчего она пролетела мимо Феласа, и, не успев сгруппироваться, повалилась на землю, жалобно поскуливая.

— Чёрт бы меня побрал. — выругался лучник, короткими шагами двигаясь в мою сторону. Третья стрела была уже наготове, тетива находилась в натяжении. Волчица быстро встала на четыре лапы, напоминавшие видоизмененные человеческие руки, еще раз с тоской взглянула на меня и кинулась рысью в сторону Темного леса, оставляя за собой следы крови. Без лишних раздумий я рванул вслед за ней, однако Фелас тут же схватил меня за шкуру и промолвил:

— Если мы сейчас побежим в этот темный дремучий лес, то встретим рассвет разорванными в клочья. Остынь, Хинос, я понимаю твои чувства. Завтра с утра мы пойдем по следу крови и найдем твою мать. Стрела едва ли задела важные органы, с ней всё будет в порядке. — постарался успокоить он меня.

Обмякнув, я лишь кивнул и молча провожал её взглядом. Я спасу тебя, мама.

Глава 3

Как и предполагалось после случившегося, отец с младшими не спал. Мы со следопытом вошли в дом, я представил его своим родным. Отец поставил кипятиться воду, я представил авантюриста отцу.

— Я повидал многое за свои годы скитаний по неизведанным землям, подземельям и пещерам, однако такое вижу впервые. В окрестностях Ратона, в Темном Лесу, когда-то была такая напасть — оборотни. Так называли людей, подверженных проклятию ликантропии! По ночам зачастую можно было услышать голодный волчий вой когда-то бывших людей. Был даже особый лекарь, потративший уйму времени на изучение методов борьбы с ликантропией! Как его там звали... Рокал... Понкул... Не вспомню... Однако то, с чем нам пришлось сейчас столкнуться, заставляет кровь леденеть в жилах, оборотни так не выглядели. Это уже не просто поисковое задание, с которым вполне может справиться более менее опытный следопыт. Здесь нужно формировать слаженную боевую группу, если не рейд, и отправлять её разбираться с этим вопросом. Ведь, если сложить факт пропажи большого количества людей с тем, что мы сейчас наблюдали, то легко можно предположить, что случай превращения Мэри не является единичным. Каков источник их метаморфоз? Сколько таких особей бродит в поисках добычи по лесу или еще где-нибудь? Отправляться мне одному, не говоря уже про то, чтобы брать тебя с собой, Хинос, больше смахивает на самоубийство в чистом виде. С Вашего позволения я переночую здесь и с раннего утра отправлюсь в Ратон, дабы сообщить Гильдии о случившемся, а также войду в состав группы, которая отправится разбираться с этим, и выполню взятое мной задание на поиск Мэри. — подытожил Фелас.

За столом Якоб хмуро ковырял ложкой в каше.

— Я пойду с тобой, когда вырасту, — вдруг заявил он, глядя на меня исподлобья. — Буду авантюристом и найду маму.

Вики фыркнула:

— Ага, размечтался! Ты даже паука боишься!

— Не боюсь!

— Боишься!

Отец прикрикнул на них, но в глазах у него стояла тоска. Я погладил Якоба по голове:

— Ты лучше тут за папой и Вики присматривай. Это тоже важное дело.

Мальш задумался, потом важно кивнул.

Я прекрасно понимал всю серьезность и опасность ситуации, в которой мы оказались. Осознавал свою беспомощность. Что мне остается? Неумолимо отсчитывать дни в опустошающем ожидании вестей. Вспоминается одна из любимых фраз моего дедушки Гюлана: «Любое мирское ожидание, как попавшая в одежду моль, постепенно съедает человека».

Тяжелый взгляд отца на протяжении всего разговора не давал мне покоя. После того, как Фелас отлучился на “мыльно-рыльные” дела, папа подошел ко мне и удручающе промолвил:

— Ты как-то... осунулся, Хинос. Словно через Бездну лез. Взгляд у тебя... не человеческий. Слишком много в нём стали, сынок. Где ты пропадал?

Я заставил себя улыбнуться — губы слушались плохо, словно замерзшая кожа.

— Просто дорога до Ратона была паршивая, пап. Грязь, вонь, да пара воров в подворотне. Пришлось показать им, что я больше не тот парень, который боится собственной тени, — я шутливо толкнул отца в плечо, но рука была тяжелой, а под рубахой, на животе, символ Бельдамеша отозвался обжигающей пульсацией, как раскаленное клеймо.

— Хинос! — Вики подбежала, собираясь обнять брата, но замерла в полушаге. Она сморщила нос, принюхиваясь. — Фу... ты пахнешь как дедушкина коптильня. Только хуже. Как

будто... как будто ты в мясной лавке в жару весь день провел. Кровью пахнет, Хинос. Противной такой, застоявшейся.

— Это... — я замялся, чувствуя, как пот катится по спине. — Это мазь от дорожных клопов, Вики. Воняет жутко, зато не кусают. Иди лучше помоги отцу с ужином, пока я... пока я умоюсь.

Уже собираясь выйти и отмыть то, что не отмывается, отец внезапно схватил меня за руку:

— Ты нанял Феласа. Где взял деньги?

На мгновение я растерялся, но решил признаться... частично. Отец нахмурился, глядя на увесистый кошель, который я выложил на край грубо сколоченного стола. Звон золотых монет в этой бедной избе прозвучал как гром среди ясного неба.

— Восемнадцать золотых марок, Хинос? — голос отца стал низким, в нем слышался не восторг, а пугающее подозрение. — Даже за год в Ратоне честный парень столько не заработает. Откуда они?

Я почувствовал, как символ на животе зудит, словно напоминая о липкой крови наемника.

— Я нашел их, пап, — я постарался, чтобы голос не дрожал. — Там, на дороге к лесу. Была стычка... Солдаты или наемники, я не знаю. Они все лежали мертвые. А кошель висели у них на поясах.

Отец медленно поднялся, его лицо потемнело. — Ты обчистил мертвецов? Сын честного человека рылся в карманах у покойников, как последняя крыса?

— А что мне было делать?! — я сорвался на крик, и это была не только игра, но и выплеск настоящего отчаяния. — Мама превратилась в чудовище! Ты хочешь, чтобы я был «честным» и смотрел, как она гниет в лесу, или чтобы у нас был шанс её вернуть? Мертвым золото не нужно, отец. Им вообще больше ничего не нужно. А нам — нужно.

— Ты пахнешь не мазью от клопов, Хинос, — тихо сказал отец, и в его глазах блеснуло разочарование, которое ранило больше любого ножа. — Ты пахнешь падалью.

— Пусть так, — я резко сгреб кошель со стола. — Если найдут маму, тебе будет плевать, в чьих карманах эти монеты лежали раньше.

— Bravo, щенок, — лениво прошелестел в голове голос Бельдамеша. — Ложь, приправленная правдой — это лучшее блюдо. Ты начинаешь понимать, как устроен этот мир. Моралью сыт не будешь, а золотом — вполне.

Утро вечера мудренее, поэтому, закончив с разговором, мы все улеглись спать. Этой ночью я долго не мог уснуть из-за разыгравшейся бури эмоции и мыслей внутри, но когда уснул, то во снах не видел ничего, кроме кошмаров, где я совсем один блуждаю по Темному лесу с не покидающим чувством, будто надо мной из тьмы со всех сторон пристально наблюдают голодные существа, хищно выжидая удобного случая, чтобы разорвать меня на части.

Едва земли озарились лучами утреннего Солнца, Фелас разбудил меня, попросив закрыть за собой дверь и сказал напоследок:

— Запомни, Хинос. В этом деле главное — помнить, что ты не один. Даже когда кажется, что все против тебя.

Вернувшись обратно в кровать, я попытался снова заснуть, но ничего путного из этого не вышло, поэтому я отправился к колодцу, дабы смыть с лица остатки сна. С каждым мгновением небо становилось все светлее и светлее, словно невидимый художник медленно и аккуратно размазывал кистью краску на холсте. Из темно-синего оно превращалось в нежно-розовое. Затаив дыхание, я наблюдал, как Солнце медленно и величественно поднималось над горизонтом, рассеивая своими лучами туман, окутавший представшие перед глазами просторы.

Так, ладно, я не мог больше ждать от моря погоды. Темный лес. Там я найду ответы... и маму. После этих мыслей я отправился во тьму.

Войдя в лес, моему взору представились пышные кроны высоких деревьев, затмевающие своим величием небеса. А куда, собственно, идти? Ничего кроме глухих кустарников, бесчисленных стволов деревьев и мрачного покрова темноты я не обнаружил. Еще немного покрутившись вокруг, я резко зашагал в произвольную сторону, и, не пройдя и пары метров, споткнулся о выпирающий из-под земли корень, больно приземлившись на отвердевшие шишки. Так, видимо, мне не туда. Кряхтя, как старый дед, я вновь поднялся и отряхнулся.

Развернувшись спиной к злосчастному корню, я выдвинулся в путь, в котором моими верными спутниками были страх и напряжение, стимулирующие постоянно озираться вокруг в поисках беды. Всё вокруг кажется темным и угрожающим, с густыми зарослями и глубокими тенями, таящими в себе всевозможные опасности. Учащенное сердцебиение, тяжелое дыхание и шелест травы под ногами — единственное, что издавало звуки. В лесу было необычайно тихо. Даже птиц не слышно, будто маленькие пернатые певцы нарочно сидели тише воды и ниже травы, чтобы не разбудить нечто, обитающее здесь. Воздух ощущался тяжелым из-за сырости, которую, казалось бы, протяни руку да пощупай. В очередной раз с трудом пробиваясь сквозь заросли кустарника, надоедливо цепляющиеся за одежду и больно царапая открытые участки кожи, я невольно задумался о том, как это всё похоже на жизненный путь человека. Хоть Солнце и освещает нашу жизнь, однако двигаемся мы по ней во тьме, словно слепые новорожденные котят. Эти нескончаемые надоедливые кусты совсем как проблемы — только выбрался с одной, так через пару шагов уже борешься с новой.

— Однако, иногда судьба преподносит нам неожиданные и приятные сюрпризы! — подумал я, уже немного подголодавшим взглядом подметив впереди очередной кустарничек, но уже с брусникой. Совершая последний шаг до заветной ягоды, моя нога, к удивлению, не сыскала твердой почвы, проваливаясь всё глубже в яму, утягивая за собой брусничные кусты, а также тело. Падая плашмя, не видя под собой ничего из-за прибившейся к лицу растительности, я одним протяжным ёмким словом сообщил всей округе о своём, скажем так, затруднительном положении. Я уже представлял, как превращаюсь в лепешку от падения, как вдруг мои мысли прервала какая-то песчинка, вероломно проникшая в пространство моей ноздри.

— Апчхи! — своим громогласным «кличем» обозначил свое присутствие всему живому поблизости, падая вверх. Вверх? А, нет, уже опять вниз. Однако, прямо перед глазами промелькнул выбивающийся из-под земли корень, за который я поспешно ухватился двумя руками, раскачиваясь при этом, как только что повешенная ёлочная игрушка. Спустя пару мгновений мои глаза начали привыкать к темноте, помогая мне понять, где я очутился. Моё тело безнадежно висело, судя по всему, в совсем крошечном кармашке вырытого под землей туннеля, но единственный вход, откуда исходил свет пламени, был чем-то перекрыт. Высота от моих свисающих ног до дна темницы была не совсем большой, примерно полтора-два метра. Соскок получился удачным, я ничего не повредил — вовремя успел сгруппироваться, после чего я принялся детальнее оглядывать место куда завела меня нелегкая. Угрюмая сырость, казалось, ощущалась здесь вдвойне, неподъёмным чугуном оседая в лёгких. Пространство “комнатушки” явно не хватило бы не то, чтобы разбежаться, — пару шагов от стенки к стенке.

— Твою... — хруст под ногами, который я счел за валявшуюся гальку, оказался чьими-то костями, одиноко лежавшими в этом богами забытом закутке. Но, что же там, откуда свет исходит? Я подошел вплотную к объекту, заграждавшему уютное мерцание света извне. Аккуратно ощупал стоящую предо мной преграду и выяснил, что это была своего рода деревянная дверь. Попытки приложить усилия, дабы её открыть, не увенчались успехом, но ломиться в нее желания не было от слова совсем — бес его знает кто здесь обитает. Лучше еще раз детально обследовать помещение и поразмыслить о том, что же мне делать. Но, как только я отошел от двери, слева от нее по ту сторону стены послышалось многочисленное топанье, словно кучка совсем юных детишек резво играет в догонялки. Я притаился у стены, выжидая, что будет

дальше. Дойдя до двери, топание прекратилось, сменившись на едва слышное многоголосое бормотание.

— Гоблины, — подумал я. К нам в гости частенько заходил давний приятель отца — авантюрист Жан. С собой он всегда приносил интересные трофеи и находки с различных загадочных мест, а также захватывающие истории о своих приключениях. Однажды, вернувшись с задания по зачистке пещеры от гоблинов, кошмаривших близлежащую деревню, он подробно описал, что они из себя представляют, а также вручил мне гоблинское ухо, своей остротой и удлинённостью напоминавшее эльфийское, однако габаритами куда поменьше, да еще и темно-зелёного цвета. И сейчас, судя по всему, уже мне придется с ними столкнуться. Но, я ведь даже без оружия и совсем не смыслю в боевом ремесле... Жан рассказывал, что гоблины сами по себе не шибко сильные существа, и расправиться с ними не составляет труда. Однако, это мнение опьяняет многих “зеленых” авантюристов, которые с искренней уверенностью в свои силы отправляются выполнять задания по истреблению гоблинов. Да, они не так могучи, однако хитрости им не занимать. Гоблины не чураются нападать толпой и пользоваться грязными приемчиками, атакуя жертву со спины, либо устраивая ловушки, в одну из которых, по всей видимости, я и попался. Суматошно анализируя ситуацию, я старался придумать хоть одну затею, которая позволит мне остаться в живых в этой передрыге. Однако, мои мысли прервались характерным звуком открывающегося засова. Я ухватился крепче за острый обломок кости какого-то существа, заранее подобранного при осмотре темницы, и в ужасе ожидал скорой встречи с злобными зелеными коротышками.

— Тук-тук-тук. — раздалось через дверь. Пребывая уже в своего рода безумном состоянии мне жутко захотелось ответить: «Кто там?». Прошло секунд десять, после чего в дверь еще раз постучали, но уже кулаком. Я еще больше вжался в стену не издавая ни звука, словно пытаясь раствориться в ней, параллельно подходя к двери. Раздался скрежет, после чего, медленно, из тонкой струйки входящий свет в мои мрачные покои всё больше и больше принимал форму ручья. В образовавшемся зазоре показалась слегка напряженная зеленая морда гоблина, внимательно изучающая всё, на что падает свет. Его кожа была похожа на мокрую плесень, а зубы росли в три ряда, хищно клая в преддверии плоти. Благо я стоял так, что свет на меня не попадал, поэтому, как только дверь открылась уже наполовину, они тут же, втроём по очереди, ворвались в темницу, крепко зажав в руках маленькие кортики. В это мгновение мой мозг словно отключился, отдавая управление инстинктам самосохранения, отчего последние пулей вынесли моё тело за пределы темницы, после чего резкими движениями рук я закрыл дверь и запер её на засов.

— Произошла рокировка! — истерично гоготнул я, в ответ на что получил визги, вопли и мириады ударов маленькими кулачками о деревянную дверь. Не нужно владеть гоблинским языком, чтобы понимать, в каком гробу они видели меня и всю мою родословную до пра—пра—пра—...пра-прадедушки и бабушки. Оглядевшись, я понял, что нахожусь в довольно узком тоннеле. Моя камера находилась в его конце, а значит раздумывать, куда пойти, мне не придется. Оставляя позади разъяренную троицу, я выдвинулся вперед, навстречу неизвестности.

Глава 4

Лишь сейчас я обратил внимание на то, что источниками света являются вовсе не факелы, а специфическая растительность и светящиеся корни. Я протянул руку к одному из светящихся корней. Он был тёплым, почти горячим на ощупь, и под пальцами пульсировал, будто живой. Когда я отдернул руку, на коже остался слабый светящийся след — словно иней, только зеленоватый. Он исчез через пару секунд, но ощущение чужого прикосновения осталось. До этого мне не приходилось наблюдать такую красоту, внушающую одним своим видом спокойствие и умиротворение. Там, наверху, все суетятся, куда-то бегают, нервничают, разгорячая своим пышущим напряжением воздух. Под землей же жизнь ощущается куда размереннее, настоящий миг растягивается в вечность. Хотелось мне так думать, если бы не нависающее дамокловым мечом чувство опасности и тревоги перед тем фактом, что очутился я в логове врага. Воздух в пещере был настолько густым, что его хотелось выплюнуть. Он пах застарелой мочой, гнилым мясом и сыростью, от которой одежда мгновенно становилась тяжелой и липкой. С потолка капало, но это была не чистая вода, а склизкая жижа, мерзкая во всей своей сути.

А вот и помещение, в котором сидели ныне заточенные гоблины. Кроме вонючих подстилок и разбросанного мусора ничего путного найти мне не посчастливилось, и я двинулся дальше. Шагая какое-то время прямо по отлогому вверх тоннелю, я заметил впереди поворот направо, аккуратно выглянув из за которого, я обнаружил расширение, образующее собой комнату. В ней расположилось пару столов, один из которых отличался по своей величине. За последним активно орудовал мясницким тесаком по туше какого-то зверя рослый гoblin, отделяя куски мяса и органов от остальных частей тела. Благодать! Здоровяк стоял ко мне спиной, совсем не обращая внимания на то, что творится позади него, периодически что-то бубня себе под нос. Взглянув на обломок кости, который я все еще держал в руке, я прикинул различные варианты, как мне поступить в этой ситуации. Можно подкрасться к нему вплотную и попытаться вонзить острую кость ему в шею, однако от одной только мысли об этом начали трястись руки и прошибало холодным потом. Перед глазами всплывал тот самый силуэт с поляны. Не годится. Разве что... в самом крайнем случае... Подождать, пока он закончит с работой, и проскользнуть вслед за ним? Эта мысль тут же улетучилась при виде еще двух лежащих рядом с ним туш, напоминавших олени. Пока дождусь — заключенная троица выломает двери из темницы и поспешит воздать мне по самые помидоры. Кстати, отсюда даже не слышно их рева. Вероятно, он просто до сюда не доходил, а может они уже на всех парах мчатся сюда... Нельзя медлить! Внезапно попавшаяся на глаза массивная дубина, мирно прислоненная у стены и не попадающая в поле зрения гоблина, ясно дала мне понять, что делать. Убивать я его не хочу, но вырубить — другое дело! Благо силёнок у меня хватает — многолетний стаж работы по вырубке и обработке деревьев с отцом не прошли даром. Держа в голове хитрый умысел, я подобно тени покрался к намеченной палочке-выручалочке, не выпуская из поля зрения мясника, который с явным наслаждением и вовлеченностью занимался свежеванием дичи. Дубина казалась большой сравнительно с самими гоблинами, однако в моих руках она не отличалась особой массивностью. Моя цель — аккуратно вырубить этого здоровяка. С этюдом замысла покончено, осталась финальная часть. Хищно вцепившись взглядом в здорового гоблина, я медленно скользил к нему со спины, держа спасительный инструмент возмездия наготове. Чем ближе я подходил, тем больше начинали трястись ноги и руки, сердце колотилось с бешеной частотой, холодный пот тонкими струйками стекал со лба, орошая собой подземные просторы пещеры. Меня и цель разделяло примерно пять шагов, я задержал дыхание и сжал дубину покрепче, но левый глаз внезапно защищал от попавшей в него соленой капли, отчего я по привычке вскинул левую руку чтобы его протереть, ногой споткнувшись при этом

о небольшой булыжник. Внутри неожиданно стало кристально чисто, все мысли разом покинули её, оставив лишь единственную мысль о белом и пушистом писце. Во время падения я ощутил, что вытянутая правая рука с дубиной об что-то ударилась, после чего послышался хлюпкий звук. Как только моё тело приземлилось, я тотчас же перегруппировался и мигом очутился на своих двоих, готовясь к неминуемой схватке с противником. Однако, битву удалось мне миновать — по глубоко вошедших в глазницы здоровяка оленьих рог из отделенной от остального тела головы активно струилась алая кровь, а на затылке у мясника красовалась добротная ссадина. Внезапно я почувствовал, как моё тело заполняется огнём. Не жгучим — нет, это было странное, пульсирующее тепло, которое разливалось от живота к груди, к рукам, к ногам. Кожа горела, но не больно, а... щекотно, что ли? Будто тысячи мелких иголок впились в меня изнутри, расширяя, распирая, заставляя дышать чаще.

Я приподнял рубашку и увидел руна. Она светилась багровым, и я чувствовал, как этот свет пульсирует в такт моему сердцу. Тук — вспышка. Тук — вспышка. Будто у меня внутри зажглось второе сердце. Только оно было горячим. Очень горячим.

Что за чертовщина со мной... Оборвав все мои мысли, руна полыхнула огнем, и передо мной предстала в воздухе та самая книга, однако на обложке её уже пылала такая же руна, что была у меня на животе.

—Приветствую тебя вновь, мой юный убийца! — раздалось из нее знакомым раздражающе мерзким голосом. — Спешу тебя обрадовать, и замотивировать! Расправившись с тем недалеким существом ты поглотил его душу, подняв при этом уровень своей, открыв для НАС новые возможности. Ну как, понравилось чувство? Хи-хи-хи. Давным-давно, еще будучи в своём прекрасном облиции демона, я верой и правдой служил Повелителю Преисподней, земля ему пеплом, занимаясь изучением всевозможной магии, не заикливаясь на той, которую обычно используют демоны, что часто вызывало недовольство со стороны других демонов, имеющих весьма консервативные взгляды на бытие. Все изученные заклинания, а их было крайне много, я записывал в этот вот фолиант, который ты видишь сейчас перед собой. Но жажда к познанию обернулась мне погибелью. Правда перед смертью я успел расколоть свою душу на несколько частей, большую поместив в фолиант, а остальные, в виде кристаллических осколков, телепортировал на ваши земли, человек, потому что в Преисподней их бы быстро отыскивали и уничтожили. Тебе, хи-хи, посчастливилось найти этот фолиант, который уже успешно стал частью тебя, что явилось одновременно даром и проклятием для тебя, мой маленький друг. Сейчас в твоём арсенале находится столько разношерстных заклятий, что любой ваш архимаг душу продаст лишь бы заполучить хотя бы часть из них. Жаль, правда, что уровень твоей души слишком мал, поэтому нам доступна лишь маленькая капля самых слабых заклятий из бескрайнего океана волшебного могущества. Думаю, ты прекрасно понимаешь, что нужно делать для того, чтобы увеличить наши колдовские возможности. С другой же стороны, жить, как раньше, у тебя больше не получится. Большая сила требует жертв. Фолианту всегда нужна подпитка духовной энергией, источником которой является твоя душа. Не будешь увеличивать ресурсы своей души — фолиант постепенно высосет из тебя всю энергию. Что произойдет в этом случае? Всё просто — ты умрешь. Есть, правда, еще парочку занятных моментиков. Магия фолианта, вследствие нахождения в ней расколотой души, а также из-за духовной скупости твоей, весьма нестабильна — вместо использования одного заклятья может активироваться совсем другое. Например, захотел ты испепелить надоедливую гоблина, однако вместо этого превратил самого себя в беспомощную овечку. Звучит не очень. Как это исправить? Я подскажу где отыскать оставшиеся осколки моей души, они придадут нам сил. Один из них, кстати, попал в лапы тому, кто ответственен за ситуацию, связанную с твоей любимой мамочкой. Хи-хи-хи.

Я все еще не мог свыкнуться с этим. Вся моя жизнь отличалась спокойствием, размеренностью, каждый день был похож на предыдущий, и всё меня полностью устраивало. Однако

сейчас... Демоны? Говорящая книга? Волшебство? Убийства? Я пару раз попытался себя ущипнуть чтобы точно удостовериться, что не сплю. Я не спал.

Руки дрожали. Не от страха — от того, что я только что сделал. Этот хруст, когда дубина встретила с его затылком... я слышал его до сих пор. Мясник даже не понял, что умер. А я? Я понял. Я убил живое существо. Снова.

— Он бы тебя не пожалел, — прошелестел Бельдамеш.

— Знаю, — прошептал я. — Но я не он. Я не хочу превращаться в чудовище.

— Слишком поздно, щенок. Ты уже начал. Вопрос только в том, когда остановишься.

Я сжал кулаки и заставил себя идти дальше. Но внутри что-то изменилось. Словно я перешагнул черту, за которой нет возврата.

— Как можно ей помочь? — понимания, что иного пути у меня нет, я согласился принять условия Бельдамеша.

— Хи-хи-хи-хи. Ты сделал правильный выбор, Хинос. В этой пещере полно гоблинов — позволь своей душе вдоволь упиться амброзией из падших душ врагов.

Мясницкий нож мёртвого гоблина внезапно поднялся в воздух и медленно направился прямо ко мне.

— Колдовству я обучу тебя позже, а пока — хватай нож, заклятия я возьму на себя.

Правой рукой я ухватился за еще не успевшую охладеть от тепла предыдущего хозяина рукоятку, с нескрываемым отвращением рассматривая обагрённое кровью лезвие клинка.

— Кажется, ранее запертая троица сумела освободиться и уже вот-вот добежит до нас, ты готов, убийца? — хихикнул Бельдамеш.

— Сделаем это. — с мрачной твердостью ответил я, после чего фолиант переместился обратно в мою утробу. Еще пару секунд я разглядывал окровавленный тесак, а в сознании вновь и вновь вспыхивало мерзким голосом последнее произнесенное Бельдамешем слово. Убийца... Убийца... Убийца...

Придя в себя, я быстро осмотрел помещение в поисках подсказок для дальнейших действий. Очевидно было, что второй раз трюк “прижаться к стене и действовать” не поможет, гоблины уже научены горьким опытом. И, остановившись взглядом на столах, меня посетила одна идея.

Суматошный топот маленьких ножек утих прямо у входа в мясницкую комнату со стороны темницы. Маленькие отродья, увидав своего павшего товарища, неприятно удивились, но старались сохранять хладнокровие, медленными шажочками двигались друг возле друга, подбираясь к эпицентру завершенного инцидента, при этом озираясь по сторонам.

— Кья вях. — шепотом промолвил тот, что стоял в центре, показывая на вздувшуюся ссадину на макушке мясника.

Троица подошла в упор к мяснику.

— Рья-рья! — гоблины втроем схватились за здоровяка своими маленькими ручками, сложив на пол оружие, в попытке вынуть оленьи рога из глазниц и уложить товарища на землю.

Сейчас! Я стремительно вынырнул из под опрокинутого стола, послужившего мне прекрасным укрытием, одновременно выцеливая глазами ближайшую ко мне жертву. Пулей долетев до неё и, размахнувшись что есть мочи, я вонзил лезвие тесака в хрупкую шею гоблина, ожидая его моментального обезглавливания. Однако, клинок с неприятным хрустом застрял между шейными позвонками, не давая и шанса воспользоваться им еще в этом бою, отчего мне пришлось отпрыгнуть на пару шагов назад. Обескураженный коротыш упал на колени, в агонии держась руками за шею, и сквозь пальцы его горячими потоками утекала жизнь. Брызгающая кровь собрата резко привела в чувства его напарников, которые тотчас же подобрали с земли своё оружие и с воплями кинулись в атаку. Внезапно, мои руки самопроизвольно поднялись вверх и распростерлись в разные стороны, словно я хотел встретить врагов с объятиями, однако в воздухе вспарили камни, приводя меня в полное смятение, после чего мои ладони

резки сомкнулись в хлопок, а парящие камни с огромной скоростью полетели в гоблинов, мои суставы начали скрипеть, будто в них насыпали песка. С каждым выстрелом я чувствовал глухой удар в плечо — магия не бралась из ниоткуда, она использовала мои кости как рычаг. Челюсть свело судорогой, а в ушах стоял такой гул, будто я стоял под камнепадом.

Родители как-то рассказывали, что в неких странах, где вместо травы и лесов широко раскинулись раскаленные Солнцем пески. Популярной казнью в тамошних землях было закидывание толпой провинившегося человека камнями до смерти. Но то, во что сейчас камни превратили тела этих зеленых бедняг... Мне трудно осознавать, что все это происходит на моих глазах, моими же руками.

— Парочка камней за душонку гоблина... отличный бартер! — ехидно хихикнул Бельдамеш у меня в голове.

Я больше не мог находить в себе сил сдерживать рвотные позывы и опорожнил содержимое желудка напрямик на остатки мертвых гоблинов.

— Брось, малец, ты еще научишься получать от этого удовольствие! — с искренностью подметил демон.

— Да пошел ты! — рявкнул я.

— Тише-тише, а то разбудишь остальных зеленых.

Руки все еще гудели, в ушах стоял шум, но нужно было идти дальше. Прихватив показавшую свою эффективность дубину, я покинул мясницкий обитель и продолжил ступать по тоннелю, всё также тускло освещенному причудливой флорой, но он оказался пошире, чем предыдущий. Набрав полные груди воздуха и медленно выдохнув, я зашагал вперед.

— Тот чих, что подбросил меня вверх во время падения в яму — твоих рук дело? — шепотом поинтересовался я.

— Еще бы! Было бы совсем скучно сломай ты себе что-нибудь, шмякнувшись оземь. Закончились бы твои приключения так и не начавшись. — заметил демон.

— Как мило с твоей стороны помогать простому смертному вроде меня. — утирая пот со лба, съехидничал я.

— Всему есть своя цена, хи-хи-хи. — загадочно хихикнул Бельдамеш.

Пройдя еще немного по тоннелю я обнаружил впереди разветвление. Вправо или влево? Отсутствия звуков не давало и шанса понять где какая опасность может меня поджидать.

— Давай налево. — предложил Бельдамеш.

— Ты что-то ощущаешь?

— Да, что ты от страха сейчас наделаешь в штаны, а еще кучу гоблинов в этой пещере. Иди налево, говорю, там у нас побольше шансов.

Крепко сжав дубину, я последовал его совету и пошел в левое ответвление тоннеля. Много идти по нему не пришлось, передо мной предстало помещение, напоминавшее собой детский сад. Выглядывая из-за угла я насчитал четырёх взрослых гоблинов, скорее даже гоблинш, судя по их внешнему виду, а также десять совсем крошечных детишек, парочку из которых резвились друг с другом, двое кормились материнским молоком, а остальные мирно спали.

— Это женские особи гоблинов, они весьма пугливые. Скорее сбегут прочь, нежели примут бой. Атакуй быстро, чтобы никто не сбежал.

— А с детьми что? — шепотом поинтересовался я.

— Они также могут послужить пищей для твоей души, хоть и менее сытной, нежели взрослые особи, — пояснил Бельдамеш.

Я буду последним в мире человеком, если устрою здесь бойню. Хоть они и гоблины, но... Убивать женщин и детей? Гоблинские малыши жались к матерям, и на секунду я увидел в них Вики и Якоба. Тошнота подкатила к горлу, но Бельдамеш тут же сжал мое сердце ледяной хваткой:

— Оставишь их — и они воткнут нож тебе в спину, когда подрастут. Смерть — это милосердие.

Я прекрасно понимал, о чем он. Но, я так точно не смогу! Это насколько низко я должен пасть? Демон сказал, что они даже нападать на меня не будут. Должен быть другой выход.

— У меня рука не поднимется устроить тут резню. Можно ли этого избежать? Может вернуться обратно на развилку и пойти в другой тоннель? Либо как-то их, например, усыпить?

— Если пойдем по второму тоннелю, то наткнемся на толпу гоблинов, и они задавят нас числом. Усыпить? Твоей душе пока не по плечу заклинания иллюзии, способные усыпить столько особей сразу.

— И что, выходит, другого пути, как перебить тут всех, у меня нет? — огорченно спросил я.

— На твоём месте я бы сделал именно так! Смотри, какие они хрупкие. Один щелчок — и их черепа лопнут, как перезрелые ягоды. — со злорадством воскликнул Бельдамеш. — Но, ладно, для таких добродушных простофиль заклятие невидимости будет отличной идеей. Однако, полностью невидимым тебе сейчас не стать — будут видны блеклые очертания твоего силуэта, да и время действия невидимости будет всего, скажем, пятнадцать секунд.

— Отлично, мне подходит. — облегченно вздохнул я.

Бабах! Внезапно раздался приглушенный звук. Я ждал легкости невидимости, но вместо этого мои легкие наполнились густой, маслянистой копотью. Кожа на лице стала серой и липкой, а пот смешался с сажой, выходящей прямо из пор. Я не просто прятался в дыму — я сам стал этим дымом, чувствуя, как моя плоть на мгновение теряет плотность и становится рыхлой, тошнотворно-невесомой. Пространство вокруг меня окуталось густым черным дымом, следом последовали испуганные вопли гоблинов вперемешку с удаляющимся мельтешением.

— Что происходит? — утирая пот со лба, растерянно спросил я.

— А вот и результат нестабильности, о которой я предупреждал. Однако, сейчас нам повезло — дым заволок всю комнату с гоблинами, двигай скорее пока он не рассеялся. Два шага вперед, поворот направо и прямо.

Я внемлил словам демона и быстро поплелся по заданному маршруту, не видя перед собой не зги. Дым ел глаза, но я видел всё. Бельдамеш внутри меня жадно втягивал воздух, и мир вокруг расслоился на запахи. Я чувствовал смрадный, кислый пот страха, исходящий от гоблинов, и приторно-сладкий аромат их детенышей, пахнущих парным молоком и сырым мясом. В густой завесе я видел не тени, а пульсирующие багровые сгустки их сердец. Они бились часто-часто, как крылья пойманной птицы. Я слышал, как в их легких хрипит мокрота, как зубы детей стучат от дрожи. Для Бельдамеша это была не трагедия — это было меню, разложенное перед голодным гостем. Все они суматошно двигались туда-сюда в поисках выхода. В момент, когда я активно ворочал головой, я обо что-то споткнулся, приземлившись руками на землю, а это что-то жалобно запищало.

— Сейчас ты просто споткнулся о невинного зеленого юнца, а уже через полгода он без тени сожаления будет вырезать тебе подобных юных приключенцев и резвиться со схваченными девчулями! — подметил демон.

От его слов перед моими глазами всплыла картинка и я чуть было не зарычал, но вовремя сдержался. Он прав, чертовски прав! Гоблины — зло! Но... какой же я слизняк... Быстро поднявшись на землю, и стиснув зубы от злости на себя, на свою слабость, я пошел дальше. Еще шаг, и я вышел в новый тоннель, где перед собой увидел испуганных гоблинских женщин и облепивших их со всех сторон детей. Пару секунд мы стояли в ступоре и, хлопая глазами, глядели друг на друга. В один момент женщины завопили так, что я дернулся и, не находя варианта лучше, тараном рванул сквозь них, распахивая орущих от испуга гоблинов. Вот теперь точно о моем присутствии знают все обитающие здесь гоблины, поэтому оставалось мне только надеяться на свои две. Как говорил дядюшка Жан: «Быстрые ноги — надежда в дороге». После

очередного поворота в двадцати метрах от меня у выхода из тоннеля уже, сверкая пятками, бежали навстречу пять озлобленных зеленых вояк. Увидев меня, они еще больше заверещали.

— Я спалю их к чертям, не останавливайся. — крикнул в моём сознании Бельдамеш.

Иного выбора как подчиниться у меня не было, поэтому я продолжил бежать им навстречу, покрепче ухватив дубину. Однако, вместо обещанного инферно, я ощутил, как мощнейший поток воздуха вдарил откуда-то снизу, словно дав мощного пинка, поднимая меня вверх.

Глава 5

В наполненном терпким бальзамическим ароматом воскуренного ладана просторном помещении, где высокий выпуклый потолок поддерживался массивными гранитными колоннами, у внушительных размеров алтаря, представляющего собой каменную плиту с изображением Саргаса — божества Темного Пламени, у ног которого стояла металлическая чаша с непрерывно полыхающим Темным Пламенем, собрались для молитвы служители Ордена.

— ...да не угаснет же в душах наших огонь возмездия, да прольется кровь проклятая вероломных демонов — врагов святости и добродетеля... — глубоким насыщенным басом раздавались молитвы Ульрика, Верховного Магистра Ордена Темного Пламени. Во время молитвы Ульрик боковым зрением приметил выбежавшего из Комнаты Свечей ошарашенного послушника, который с ужасом глядел на Верховного Магистра, но не осмеливаясь прервать молитву.

— ...и не будет страх нашим противником, ведь покровительствует нам сам Саргас! — закончил молитву Ульрик и вопрошающе взглянул на послушника. — Что-то стряслось, Рикел?

— О, Верховный Магистр Ульрик! Свеча! Свеча зажглась безумным пламенем! — провопил послушник. Глава Ордена нахмурился.

— Ванд, Хульм, Брон, идемте за мной, — трое советников Ульрика последовали за ним. Послушник, стоявший у входа в комнату свечей, вытянулся по струнке, когда верховенство Ордена спешно заходило в неё.

— Окрестности Киланоса, значит, — заметил Хульм.

— Само пламя маленькое, однако пламенная духовная энергия просто поражает, — холодно промолвил Брон, глядя на вот-вот зажёгшуюся зачарованную свечу, из которой помимо пламени исходили колоссальные потоки видимой духовной энергии в виде того же пламени.

— Это может говорить только о том, что демоническая сила проникла в человека, но она не может полностью раскрыться из-за низкой духовной энергии человека. Из-за этого демон всячески будет сподвигать несчастного человека повышать свою духовную энергию. Необходимо вырубить ситуацию на корню, пока не стало слишком поздно. По возможности — он нужен живым, а если не получится... да будет Темное Пламя ему спасением. Ступайте, братья мои.

Советники в миг испарились из комнаты свечей, оставив Главу Ордена наедине с таинственной композицией из свечей, представляющей собой магическую проекцию карты материка, поделенную на зоны, центрами которых явились наиболее крупные города. Появление демонической энергии в соответствующей зоне инициирует возжигание зачарованной свечи, где пламя характеризует духовную мощь демона. Однако, в крайне редких случаях, помимо самого пламени, из свечи исходят видимые потоки духовной энергии в виде пламени. Хинос стал как раз тем редким случаем. Фолиант Бельдамеша, который случайно обнаружил парень и неосознанно вдохнул в него свою духовную энергию, пробудился, отчего и зажглась свеча. В нынешний момент демоническая мощь была ограничена духовными ресурсами Хиноса, однако потенциал её развития был пугающе велик. Композиция из свечей не давала информации о точном местонахождении цели, а показывало лишь зону, в которой была уловлена демоническая духовная энергия.

Сотни лет назад велась кровопролитная война между людьми и демонами. В одну тихую апрельскую ночь на континенте Безгалар открылось бесчисленное множество порталов из Преисподней, что позволило демонам ступить на земли людей. Сил королевской армии и Гильдии Авантюристов едва хватало на то, чтобы сдерживать демонический напор. В условиях

создавшейся блокады, дабы избежать изничтожение людского рода демонами, человечество начало подготовку особых воинов — демоноборцев, сражающихся под эгидой Саргаса. Так и появился Орден Темного Пламени. Основатели этого ордена были опытными воинами, магами и жрецами, которые посвятили Саргасу свою душу во имя борьбы с демонами. Человек, посвятивший свою душу Саргасу имел возможность призывать в бою Темное Пламя. Эта чудовищная сила легко позволила переломить ход битвы в пользу человечества, уничтожив Короля Демонов, а оставшиеся его приспешники были отправлены обратно в Преисподнюю. Однако, большая сила несет за собой большую ответственность. Использование Темного Пламени без последствий возможно лишь для уничтожения демонов, ведь если даже один демоноборец воспользуется этой силой в иных целях, то, всех последователей Ордена, принесших клятву Саргасу, Темное Пламя обратит в пепел. После окончания войны еще какое-то время во всех крупных городах королевства присутствовали церкви Ордена с многочисленным количеством адептов. Однако, в один момент весь Орден был сожжен до тла Темным Пламенем. Как выяснилось позже, один из прислужников Ордена, решив расслабиться по полной программе, воспользовался услугами публичного дома, где также легко можно было раздобыть одурманивающие вещества. Вещество подействовало на него не лучшим образом, отчего одурманенный демоноборец разглядел в лежавшей сбоку даме ехидную суккубу — демоническое отродье. В эту ночь весь состав Ордена превратился в пепел. После этого случая король дал указание вернуть деятельность Ордена к жизни, но в весьма дежурном количестве. Воскресший Орден базировали в скрытом от посторонних глаз монастыре, расположенном в лесу на северо-востоке от Киланоса — столице людской расы, а остальные опустевшие церкви и монастыри, расположенные в других местах, оприходовали под иные цели. Монастырь был защищен могущественными заклинаниями и охранялся адептами. Каждый член Ордена проходил суровое обучение и посвящение, прежде чем стать полноправным членом. Обучение включало в себя изучение боевых искусств, магии и мистических ритуалов, углубленное понимание демонической природы и способов борьбы с ней, и самое главное — принесение клятвы Саргасу. В процессе обучения адепты развивали свои физические, умственные и духовные качества, что позволяло им успешно противостоять демоническим силам.

Когда демон обнаруживался в человеческом мире, демоноборцы отправлялись на его поиски и уничтожение. Они использовали свои знания и навыки, а также уникальное оружие и магические артефакты для борьбы с демоническими созданиями. Помимо комнаты свечей они также обладали амулетами с зачарованной демонической кровью, которая начинала светиться если где-то рядом находится демон.

В нынешнем положении дел найти демона на такой огромной территории было той еще задачей. Служители Ордена, направленные на поиск и истребление демона разделялись на отряды и отправлялись по разным населенным пунктам чтобы выяснить информацию о появившемся демоне.

В этот дивный момент я ощущал себя птенцом, который впервые вылетел из родительского гнезда — первые неловкие взмахи крыльев и опасность, поджидающая снизу. Словно заколдованные, удивленные глаза гоблинов намертво вцепились взглядом во взлетевшего человека.

— Вот он, восходящая легенда, герой нашего времени! — с ироничной ноткой гордости произнес Бельдамеш, покуда я пролетал над шайкой гоблинов. Вылетев из туннеля, я оказался в огромном пещерном пространстве. Со стороны туннеля, который я покинул, расположились штук десять хаотично разбросанных очумелых палаток, из которых охотно выбирались гоблины, учуяв общий антураж битвы. Примерно посередине пещеры я подметил небольшой

водораздел, шириной в метров пять, а над водой лежало бревно, выполнявшее роль моста. Глубину водораздела оценить мне было тяжело из-за слабой освещенности пространства пещеры, хоть с потолка пещеры и свисали пестрящие всевозможными цветами сталактиты различных размеров, озарявшие пещерную тьму своим смущенным сиянием. Я чересчур увлекся разглядыванием пещеры и не сразу заметил, как спасительный воздушный поток из заднего прохода принялся стремительно ослабевать, отчего моё тело планомерно устремилось к земной поверхности. Падение с пары метров высоты смягчила удобно расположившаяся палатка, однако, я ощутил, что синяков и ушибов мне определенно не избежать. Приближающиеся агрессивные вопли и визги гоблинов быстро заставили моё тело очутиться на своих двух. Углядев бегущую в мою сторону разъяренную толпу, я мигом оценил свои шансы с ней расправиться, которые стремились к нулю, развернулся в обратную сторону и рванул.

— А тебе здорово так повезло — ни одного лучника, — подметил Бельдамеш.

— Повезет мне, когда я отсюда выберусь целым и невредимым! — мысленно обратился я к демону.

— Выбраться-то ты выберешься, я в тебе не сомневаюсь.

— Спасибо и на этом.

— А что, если я тебе скажу, что мы можем всех их убить? — злорадно поинтересовался он.

— Как? — удивился я. — Мы едва разобрались с тремя гоблинами за раз, а тут их больше двадцати!

— Перебеги через водоем по бревну, а затем спихни его в воду.

— Думаешь, гоблины просто утонут переплывая водоем?

В ответ на что я услышал уже знакомое мерзкое хихиканье.

— Увидишь, — прошепел фоллиант.

Добежав до своеобразного мостика, я, не оглядываясь, ступил на бревно и, стараясь удерживать равновесие, зашагал по нему. Почти перебравшись на другую сторону, я уже отчётливо слышал, как гоблины подбираются всё ближе и ближе ко мне. Я спрыгнул с бревна, положил деревянную палку на землю, ухватился за бревно и принялся спихивать его в воду. В один момент, когда оставалось уже совсем немного, гоблины добежали до противоположного ко мне края и запрыгнули на бревно. Хоть весили они относительно немного, но, чем больше их запрыгивало на бревно, тем тяжелее становилось сдвинуть его с места. Первый гoblin был уже в двух шагах от меня, поэтому я понимал, что завершить начатое сейчас я точно не успею, и схватился правой рукой за дубину. В этот момент, краем глаза я заметил, как он совершил прыжок, замахаясь ржавым кинжальчиком. Вложив много сил в один размашистый удар дубиной, я отправил гоблина в полет как назойливую муху. Судя по раздавшемуся хрусту в унисон с жалобным воем, этим ударом я явно переломал ему пару ребер. Еще три гоблина бежали по бревну, на которое я также запрыгнул и, балансируя, встретил приближающегося ко мне зеленоухого плотным ударом ногой в голову, в результате чего, тот врезался в бегущих позади него собратьев, и они полетели в воду. Я мигом спрыгнул с бревна и, наконец, отпихнул его в воду. Оставшиеся гоблины добежали до воды и рванули вплавь ко мне. Высота от берегов до водоёма была крайне невысокой, поэтому из воды без особых усилий мог выбрать даже невысокий гoblin.

— Что дальше, Бельдамеш? — крикнул я, после чего я ощутил, как мои волосы начинают вставать дыбом, по телу побежали мурашки, руки со слегка согнутыми фалангами пальцев приблизились друг к другу, между пальцами замелькали искры, интенсивность перебежек которых повышалась с каждой долей секунды. Когда разряд сорвался с пальцев в воду, мой собственный позвоночник выгнулся дугой. Зубы лязгнули так сильно, что я едва не откусил себе кончик языка. Зрение вспыхнуло белым, лишая меня ориентации, а мышцы на руках сократились так яростно, что я услышал сухой треск собственных связок. Запахло паленой

кожей и озоном. Гоблины в воде превратились в дергающееся мясо, но я чувствовал их агонию как серию мелких, колючих уколов прямо в мозг. Их костлявые конечности выгибались под неестественными углами, ломая суставы с сухим щелчком, который был слышен даже сквозь гул магии. Один из них забился в конвульсии так сильно, что его позвоночник не выдержал и лопнул, прорвав кожу острыми осколками кости. Их глаза, лишённые век, буквально закипали и вываливались из глазниц, превращаясь в белые мутные пузыри. Это была дезинсекция, где вместо насекомых были живые существа.

Видимо, из-за того, что я сколдовал за довольно короткий промежуток времени несколько заклятий, меня резко окатила, как из ведра, усталость, отчего я скрючился и, испытывая остаточные судороги, припал к земле. Водораздел еще какое-то время пестрил искорками, а на поверхность часто всплывали пузырьки с воздухом, но вскоре это всё прекратилось, после чего я тут же ощутил невероятный прилив удовольствия, насыщенность которого в разы превышала то, что я испытал, одолев трех гоблинов. Усталость как рукой сняло.

— Ловко мы их, да? — хихикнул демон.

— Жестоко, но эффективно, — все еще находясь в прострации от смешанных ощущений ответил я.

— В бою все способы хороши, — подметил Бельдамеш. — А у тебя, кстати, душа перешла на следующий уровень — теперь нам доступны новые способы аннигиляции врагов.

— Замечательно, но меня это радует лишь в том ключе, что это поможет спасти мою маму. Много еще осталось повышений таких?

— Ну...как тебе сказать... Можно пойти двумя путями: достичь такого уровня твоей души, который позволит использовать заклинания развеивания высочайшего класса и сразу обратить твою маму обратно в человека, либо убить виновника превращения и без особых усилий развеять остаточные чары. Однако, что первый, что второй путь в настоящий момент нам недоступны. Ты еще слишком слаб, Хайсе, ой, то есть, Хинос. Поглоти же больше душ.

Я смотрел на мёртвые тела, покачивающиеся на поверхности воды. Десятки гоблинов. Мужчины, которые, возможно, просто защищали свой дом. Да, они напали первыми, но... я не дал им шанса сдаться. Я просто убил их всех. И мне это понравилось. Меня захлестнула тошнота, но уже не физическая. Я опустил на колени и уставился в воду, пытаюсь разглядеть в отражении себя. Того себя, каким я был неделю назад. Того, кто никогда не держал в руках оружие.

Я умылся холодной водой, пытаюсь смыть кровь. В отражении мелькнуло моё лицо, и на секунду мне показалось, что глаза смотрят на меня чужим, голодным взглядом. Я моргнул — всё было нормально.

«Показалось», — подумал я. Но осадок остался.

— Эй, — Бельдамеш прервал мои мысли. — Ты чего расклеился? Мы победили!

— Мы убили их, — тихо сказал я. — Я убил их. И мне было хорошо.

— Конечно, хорошо. Ты стал сильнее. Это естественно.

— Это ненормально! — почти выкрикнул я. — Нормальные люди не радуются убийствам!

— Ты больше не нормальный, Хинос. И чем раньше ты это примешь, тем легче тебе будет. А теперь вставай. Нам нужно идти.

Может он и прав. Другого выбора чтобы спасти маму у меня нет.

— А где же их предводитель? — спросил я.

— Обычно у гоблинов, которые объединяются в группы, имеется предводитель, которым обычно является гоблин-шаман, владеющий примитивным колдовством, либо хобгоблин, внешне напоминающий того мясника, но куда больше и сильнее, потому что тот был всего лишь переростком.

— Получается, обычная гоблинская шайка.

— Получается, да, — подтвердил Бельдамеш.

— Тогда, сейчас я поищу здесь чего-то полезного, после чего идем скорее к выходу. — промолвил я. — Уж больно я соскучился по мирскому свету!

После того, как я покончил с мародерством, с надеждой в голосе уточнил демон:

— А ты точно не хочешь прикончить оставшихся гоблинских женщин и детей?

— Не буду я их убивать, я ведь не чудовище какое-то, — обломав демона ответил я. — Ну что, чешем отсюда.

— Чешем, — грустно протянул Бельдамеш, после чего мы направились в сторону, предположительно в которой должен быть расположен выход из этой злосчастной пещеры. Недолго пройдя, мы очутились на свежем воздухе, который отозвался мне таким родным и приятным, несмотря даже на то чувство спокойствия и умиротворения, что охватило меня в пещере. Прожить большую часть жизни под землей я бы определенно не смог, ведь жить во тьме — удел тех, у кого разум и помыслы покрыты ею. А относится ли это к гоблинам? Хм, совсем непонятно.

Глава 6

Когда я выбрался наружу, свежий воздух ударил в лицо, но не принес облегчения. Я посмотрел на свои руки: под ногтями запеклась черная гоблинская кровь, а рукава куртки пропитались скользкой, вонючей слизью, которая уже начала подсыхать, стягивая ее мертвой хваткой. Я не чувствовал триумфа. В животе комом стояла тошнота, а во рту остался липкий привкус гари и меди. Я обернулся на зев пещеры, и мне показалось, что я вынес оттуда на себе часть той тьмы. Я был похож на мясника, который провел смену в забойном цеху: усталый, грязный и бесконечно пустой внутри. Бельдамеш довольно облизывался где-то на периферии сознания, а я просто хотел содрать с себя кожу вместе с этой грязью.

Мы вновь очутились в Темном лесу и направились в сторону Ратона, дабы пополнить припасы и передохнуть. Сообщать о случившемся Гильдии было бы глупо, ведь как я бы объяснил тот факт, что я в одиночку ликвидировал столько гоблинов, не владея при этом боевыми навыками. Хвала небесам, Бельдамеш, оказывается, неплохо ориентировался в пространстве, указывая мне нужный путь. Какое-то время на пути нам не попадалось ни души, но это продолжалось до тех пор, пока угрюмые стволы мрачных деревьев не сменились широким открытым пространством, где мигом бросился в глаза деревянный одноэтажный домик, стоявший на берегу огромного по своей ширине озера. Дом находился прямоком на нашем пути к Ратону, поэтому было решено заглянуть в него.

— Дом не пустует, я чувствую человечешку, старого человечешку! — воскликнул демон.

Подойдя поближе, дом наконец обнажил свою ветхость и глубокое одиночество, словно призрак давно забытого корабля, бороздящего бескрайние просторы океана, экипаж которого давным-давно погиб. Слева от дома, у берега, была воткнута массивная деревянная палка, с которой свисала вымокшая веревка. Но где же лодка? Окинув озеро взглядом, я мигом обнаружил украденную стечением обстоятельств судно. Мои попытки догадаться как она там очутилась прервал скрип открываемой двери, из которой показался такой же ветхий, как и этот дом, старик в занюханных лохмотьях, длинной седой бородой и свисающими сальными патлами. Дед опирался одной рукой о деревянный посох, наконечник которого закручивался в спираль, в центре которой парил прозрачный кристалл в форме октаэдра.

— Не часто сюда заглядывают путники. Обычно это заблудшие авантюристы, да животьё лесное. Какими судьбами, юнец? — прокряхтел он, после чего в дверном проёме показался также довольно внушительного размера пёс, который принялся внимательно изучать меня взглядом.

— Да вот, хожу тут, грибы собираю...ягоды... — промолвил я улыбаясь. От старика исходила непонятная аура, вызывающая у меня смешанные ощущения. Издали напоминающие те, что я испытал, когда впервые обнаружил демонический гриммуар.

— Хе-хе, грибы говоришь, — гоготнул старик. — А с каких это пор грибы да ягоды смердят гоблинским дерьмом? От тебя за версту несет, малец. Ты уж меня извини, но ты совсем не походишь на бравого воина, что с легкостью зачищает гоблинские гнёзда. Но, да ладно, не моё это право тебе тут допросы устраивать, хорошо хоть живой, а остальное не так важно, — подытожил тот.

После сказанного стариком я принялся обнюхивать себя, но никакого особого запаха кроме собственного пота я не обнаружил. Взглянул ниже. Ах, да, штаны заляпаны кровью... гоблинской кровью. До сих пор я недоумевал, что смог выйти из той заварушки невредимым.

— А проницательности вам не занимать, — ответил я тому. — Пришлось убить немного гоблинов. Либо я их, либо они меня. — продолжал я, вспоминая какое “немного” гоблинов отправил я с Бельдамешем на тот свет, в ответ на что старик понимающе кивнул.

— В те времена, когда я еще жил среди людей, называли меня Прокулом, а как тебя звать, юный авантюрист? — спросил старик.

— Отец назвал меня Хиносом, но я совсем не авантюрист, скорее попал в ситуацию по некоторому странному стечению обстоятельств. Давно вы живете один?

— Времена те, что дарили мне общение с людьми, уже практически стёрты течением времени. Порой мне кажется, что минует еще пару лет, и я совсем забуду что есть слова людские, ведь чаще слышу волчий вой, нежели глас народа. — абстрактно ответил тот. — Я хочу тебя кое о чем попросить. Вчера после очередной ловли рыбы я, видимо, плохо привязал лодку к столбу, дак она и уплыла куда подальше. Вон она, плавает, совсем близко. — указал он левой рукой на одинокую лодку в озере. — Весло да снасти остались в ней, а я в долгу не останусь. Плавать-то умеешь?

Мы с отцом частенько выбирались после рабочего дня в жару на речку дабы освежиться, поэтому топором ко дну не пойду. Была она и правда недалеко, плёвое дело, правда вода сейчас холодная, но это ничего — активнее поработаю руками и ногами.

— Да, без проблем. — ответил я, попутно снимая с себя верхнюю одежду и обувь.

Небольшими шажочками я погружал своё тело в ледяную воду, а как вода дошла до уровня выше колен, я ненадолго остановился, сделал глубокий вдох, выдох и обратился вплавь. Попеременно работая руками и ногами я буквально за минуту-другую достиг лодки и залез в неё. Там и правда я обнаружил небольшое весло и различные приспособления для ловли рыбы. Видимо старик питался по большей части именно ей, вряд ли он охотился на кого-то вместе со своим псом. Орудия веслом я направил лодку в сторону берега, к дому старика. Первые попытки гребли получились довольно очумелыми, однако я довольно быстро освоился и к берегу подплывал уже ощущая себя умелым лодочником. Уткнувшись носовой частью лодки в песок, что был под водой, я выпрыгнул из нее и вытащил лодку на берег. Старик же стоял наготове с веревкой, и тут же принялся её старательно подвязывать. Проверив узел на надежность он сказал:

— Что бы я без тебя делал, Хинос. Не долго бы я протянул питаясь одними лишь ягодами и грибами. Выручил старика. Хватай одежду и ступай в избу, я растоплю печь, вчерашняя уха получилась до безумия вкусной!

Лишь представив картину с ароматной ухой, мой живот миготом отозвался жаждущим урчанием, отчего я, забрав одежду, поспешил внутрь избы. Я переступил порог, и меня тут же окутало тепло. Не уютное, домашнее тепло — нет. Это было тепло давно нетопленной печи, которое пахло золой, сушёными травами и... старостью. Тем особенным запахом, который бывает только в домах, где долго живет одинокий старик. Пылью, немывыми вещами, вчерашней едой и чем-то неуловимо лекарственным, от чего начинало чуть-чуть кружиться голова. Прокул поставил передо мной миску. Пар от ухи ударил в лицо, и я на мгновение забыл обо всём. Так пахло только в детстве, когда мама варила уху из свежей рыбы. Запах укропа, лаврового листа, горячего бульона — он разлился по комнате, вытесняя запах старости и пыли. Я зачерпнул ложкой, подул, отправил в рот. Горячо, обжигающе, вкусно до слез. Отогравшись у печи, я старательно уплетал угощение, которое и правда оказалось очень даже вкусным. Возможно, этому поспособствовала пустота в животе, но в такие детали вдаваться совсем не хотелось. Старик тем временем уселся за противоположный край стола, составив мне компанию по трапезничеству. И сквозь постукивания деревянных ложек о миску я решил продолжить разговор.

— Вам тут не одиноко? — спросил я, отчего старик на мгновение замер с поднесенной ложкой, наполненной ароматным супом, у рта, после чего осушил её и промолвил:

— Знаешь, человеческую жизнь можно сравнить с песочными часами, где песок из верхней части этого причудливого сосуда — это то, сколько лет нам суждено жить, и, вот, с каж-

дой ушедшей песчинкой вниз, желание пребывать в толпе людей неумолимо становится всё меньше и меньше.

Его слова не нашли отклик в моей душе, грубо говоря, я совсем не мог сказать, что понимаю его. Видимо, когда с моего лица будут свисать седые космы, тогда и присоединюсь к его наблюдениям. Как сказал бы дядя Жак: “ты еще мал и глуп и не видал больших подземелий!”

Какое-то время мы болтали с Прокулом о всяком разном, о высоком и не очень, и в конце нашего диалога он вручил мне внушительного размера, а также острый как бритва клык, принадлежащий некому неизвестному мне чудищу.

— Вот тебе амулет, Хинос. Он уберезет тебя от злоключений, — тепло промолвил старик.

Не знаю почему, но я не стал уточнять какому существу принадлежит этот клык.

Поблагодарив старика за угощения и прихватив с собой подаренный огромный клык, я направился к выходу и уже подходя к двери мне бросились в глаза массивные следы, оставленные слева на дверном проёме. Выглядело это так, словно здоровенное чудище полоснуло древесину своими мощными когтями. Жутковато. Открыв дверь, я еще раз повернулся к старику, махнул ему рукой на прощание, вышел из избы и последовал в город. Перед тем, как покинуть этот светлый островок, расположившийся в бескрайних просторах Темного леса, я позволил себе еще раз насладиться, как послеполуденное Солнце пёстро отзывалось на поверхности озера, которое своим неумолимым спокойствием навяло мне те же ощущения, которые я испытал находясь под землёй. Интересно, так же бы я себя ощущал, находясь на дне этого озера? На противоположном берегу озера я заметил небольших существ, имеющих черты земноводных, которые имели при себе своего рода руки и ноги. Они мирно сидели в кружке, а еле доносившееся кваканье дало понять, что они явно обсуждают свои насущные вопросы. Хоть и выглядят они довольно безобидно, но мне повезло, что я не встретился с ними тет-а-тет, когда подплывал к лодке. Бес его знает, на что они способны.

Интересно, а как там Фелас?

Группа авантюристов, состоящая из семи человек, по заданию Гильдии с самого утра выдвинулась из Ратона в Темный лес для того, чтобы выяснить: связаны ли пропажи людей со случаем превращения матери Хиноса в кровожадное чудовище? В течение дня группа кропотливо исследовала Темный лес в поисках подсказок, во время чего сталкивалась с различными враждебно настроенными существами и одерживала победу над ними, но каких-то существенных продвижений в задании так и не наблюдалось. Близились сумерки, авантюристы изрядно вымотались, блуждая по лесу и сражаясь с чудищами, поэтому общим решением было возвращаться в город.

— Этот день был бы просто ужас, если бы мы не наткнулись на кладку яиц чащобных пауков, — сказал воин, в ножнах которого красовался массивный двуручный меч. — Правда, пришлось немного повозиться с паучками, однако и их железы можно сбегать по хорошей цене.

— Бррр, — поежилась колдунья. — Терпеть не могу пауков, их волосатые лапки...

— Исцелять от яда — то еще занятие, — шепотом промолвил целитель.

— Предпочитаю держаться от пауков на расстоянии, — подметил Фелас. — Потом все стрелы оттирать от паучьих внутренностей.

— А ты всё за свои стрелы переживаешь, — подколот один из щитоносцев.

— Гляди, чтобы тебе “случайно” одна не прилетела в задницу, — парировал Фелас.

Вор, идущий сбоку от лучника, прыснул.

— Шутки-шутками, но главное правило авантюристов: не сдох — день прошел успешно. — заметил второй щитоносец.

Беседа авантюристов сопровождалась методичным похрустыванием веток, попадавшимися под ноги, да шумом амуниции, особенно у тяжело обмундированных бойцов. Все мысленно находились уже в городе, в безопасности, осушая эль пинтами и протравливая шутки ниже пояса, оттого чувствовали себя расслабленно. Внезапно раздавшийся неподалеку вой напомнил им, что они всё еще в опасности.

— Волков нам еще не хватало, — лениво протянул вор.

К одинокому завыванию присоединились и другие, звучащие теперь со всех сторон.

— Пойдите, — окликнул товарищей Фелас. — Волки так не воют...

И правда, в этих голосах угадывалось нечто иное. Нескрываемый голод и обезумевшая кровожадность ясно давала понять, что в скором времени прольется кровь.

— Всем приготовиться! Построение: треугольник, — скомандовал лучник.

Два щитоносца и мечник мигом выступили в авангард, укрывая со всех сторон своих напарников, держа оружие в боевой готовности. Целитель и маг остались в центре. Фелас мог свободно перемещаться по треугольнику, дистанционно сдерживая со всех сторон натиск с помощью лука. Вор скрылся в тених, ожидая удачный момент для контратаки.

— Вот и показались, твари, — заметил один из щитоносцев, глядя на горящие во тьме желтые огоньки, жадно вззирающие на свою добычу.

Вдруг, в шагах двадцати от группы, из за дерева появился странного вида силуэт, закутанный в лохмотья, в правой руке он держал посох.

— Эй, глядите туда! — указал рукой один из щитоносцев в сторону появившегося незнакомца.

— У этого хрена глаза горят красным, прямо как у демона! — воскликнула чародейка.

Фелас выругался про себя и крикнул:

— Кто ты?!

Крик эхом раздался на всю округу, но ответа так и не последовало.

— Если будешь молчать — пристрелю! — прорычал следопыт, придав своим словам вес, натянув тетиву лука со вложенной в нее стрелой.

В ответ послышался приглушенный жуткий смешок, окончившийся кашлем и шумным сплевыванием на землю.

— Обожаю наблюдать за тем, как храбрецы вроде тебя захлёбываются в собственной крови, — ехидно промолвил темный силуэт, после чего его глаза вспыхнули еще ярче, словно в предвкушении.

— Чёртов ублюдок, сдохни, — процедил сквозь зубы Фелас, запустив стрелу во врага.

Выпущенная стрела была отбита легким взмахом посоха.

— Хватит детских игр. Пришло время пиршества! — воскликнул силуэт.

Со всех сторон вновь зазвучал леденящий кровь вой и окружающие авантюристов чудища ринулись в бой.

— Держать оборону! — крикнул лучник. — Сегодня мы вернемся домой!

Фелас ожидал, что товарищи приободрятся, но сам на мгновение остолбенел, когда из тьмы чащобы показались первые твари, очень отдаленно напоминавшие людей с вытянутыми конечностями, покрытые шерстью. Из раскрытых пастей с острыми клыками пеной лилась слюна, а в светящихся жёлтых глазах угадывался лишь первобытный голод.

— Ешьте, пейте! Кормитесь, дети мои! — сладострастно проорал силуэт с посохом.

Следопыт отчаянно выпускал стрелу за стрелой в нападающих чудовищ, замедляя их движение. Бойцы авангарда уже приняли на себя первый удар и изо всех сил отбивались. Чародейка старательно помогала отражать нападение своими заклинаниями молнии, отчего чудища бились в конвульсиях, пока их плоть превращалась в уголёк. Не было ни секунды на пере-

дышку, твари так и пёрли одна за другой, истощая бойцов. Поле брани под аккомпанемент из рубяще-чавкающих звуков в унисон с рычанием и поскуливанием покрывалась трупами мёртвых чудовищ, истекающих кровью. Сверкали заклинания молнии и целебный свет, колдуемый лекарем, позволявший бойцам авангарда и дальше сражаться, залечивая их раны. В один момент боковым зрением Фелас заметил, как нечто огромное с густой чёрной шерстью, оттолкнувшись от тела одного из чудищ, молниеносно прыгнуло, преодолевая бойцов авангарда в воздухе. Секундой позже истощно завопил целитель, оказавшийся придавленный под зверем, жадно впивавшийся в того клыками, вырывая плоть шматами. Бойцы авангарда отвлеклись на секунду, которой хватило чудищам, чтобы повалить их на землю и разорвать на части.

— Ужас, отчаяние, погибель — сласть для ушей моих! — радостно вещал силуэт.

Лицо чародейки, придавленной мощными лапами, с характерным хрустом выедала одна из тварей. Две особи схватились зубами за руки следопыта, удерживая его на месте, отчего тот выронил лук, на который методично стекала его кровь, и с бледным лицом наблюдал как его товарищей заживо пожирают чудовища.

Сокрытый в тених, вор достаточно приблизился к спине силуэта в лохмотьях и с холодной решимостью направил кинжал в область, где предположительно располагаются жизненно важные органы. Кристалл в посохе незнакомца на мгновение сверкнул и вора словно сковало, он упал на колени и всё его тело окутал чудовищный страх. Кинжал выпал из руки, так и не достигнув цели.

— Твою жажду крови можно учуять за версту. — безэмоционально промолвил заклинатель, после чего повернулся к вору. Тот в ответ лишь промычал, глядя в пылающие красным огнем глаза противника. Незнакомец махнул рукой чудовищам и те притащили обмякшего лучника, в глазах которого была лишь пустота.

— Хочу вас обрадовать, — начал старик. — сегодня вы станете моими детьми. После чего подошел к Феласу и склонился над его ухом.

— С днем рождения, сын мой, — прошептал он и впился зубами в шею следопыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.